

Сергей Недоруб

[НОВАЯ ЗОНА]
ШЕСТАЯ СТУПЕНЬ

Апокалипсис-СТ

Сергей Недоруб

Новая Зона. Шестая ступень

«АСТ»

2014

Недоруб С. И.

Новая Зона. Шестая ступень / С. И. Недоруб — «АСТ»,
2014 — (Апокалипсис-СТ)

ISBN 978-5-17-081882-2

В ходе операции Центра Аномальных Явлений по захвату груза пропавших артефактов гибнет почти вся группа, состоявшая из опытных сталкеров. Под подозрение попадает единственный выживший – Борланд. За расследование берется детектив Виктор Корнеев, которому следует выяснить, что произошло на объекте, и почему Борланд решил уничтожить свою команду. Однако бывший напарник Борланда, Марк, верит, что его друга подставили. Он объединяется с Виктором для выяснения обстоятельств, тем более что опасный груз уже на свободе. У них всего одна улика, и к тому же крайне необычная – фальшивая нота в мелодии, которая звучала во время операции. Виктору и Марку предстоит решить сложную задачу, чтобы не допустить более масштабной трагедии.

ISBN 978-5-17-081882-2

© Недоруб С. И., 2014
© АСТ, 2014

Содержание

Пролог	6
Глава 1	7
Глава 2	22
Глава 3	35
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Сергей Недоруб

Новая Зона. Шестая ступень

СТАЛКЕР

Издательство признательно Борису Натановичу Стругацкому за предоставленное разрешение использовать название серии «Сталкер», а также идеи и образы, воплощенные в произведении «Пикник на обочине» и сценарии к кинофильму А. Тарковского «Сталкер».

Братья Стругацкие – уникальное явление в нашей культуре. Это целый мир, оказавший влияние не только на литературу и искусство в целом, но и на повседневную жизнь. Мы говорим словами героев произведений Стругацких, придуманные ими неологизмы и понятия живут уже своей отдельной жизнью подобно фольклору или бродячим сюжетам.

Пролог

Алена, здравствуй.

Прости, что не обращаюсь к тебе лично. Видишь ли, со мной покончено. Может, я уже в аду, а может, всегда там находился. Рад бы написать тебе простое бумажное письмо, но уже не смогу. Даже забавно: я столько раз порывался тебе позвонить и не делал этого, а сейчас это единственное, чего мне хочется.

Все, что я теперь могу, – это обратиться к твоему образу в своей голове. Излучение «Альфы» выбило меня из мира, но не думаю, что мир сильно потеряет от моего исчезновения.

У меня есть только память. В ней я варюсь в поисках ответов. И этот котел жарковат, можешь мне поверить.

К сожалению, вынужден тебе сообщить, что я не единственный из твоих друзей, которого ты потеряла. Хотя я не уверен, что ты можешь назвать меня другом – ведь я, как бы это ни звучало, лишь странник на твоём пути. Это объективный факт.

Если бы мне удалось вернуться в прошлое и что-то изменить в мировом порядке, я бы без колебаний убрал себя с твоей дороги. У тебя передо мной есть приоритетное право двигаться дальше.

Меня зовут Алексей Вавилов. Он же Борланд.

Помни меня таким.

Или забудь.

Глава 1

Место преступления

Луч фонаря бесцеремонно ударил в глаза.

– Проход закрыт, – произнес невозмутимый охранник.

Сидящий за рулем «фиата» мужчина протянул ему карточку зеленого цвета.

– Влад, – представился он.

– Приятно. А фамилия?

Слегка опешив от такого поворота, владелец карточки даже выключил зажигание.

– Антонов, – проговорил он с нетерпением. – Влад Антонов, из ЦАЯ. Как и ты. Ты на меня работаешь. Пропусти мою машину, пожалуйста.

Охранник вернул Владу карту, несколько не смутившись.

– Проезжайте, – сказал он. – При въезде сворачивайте направо, там сможете остановиться. Главный вам все объяснит.

Усмехнувшись, Влад снова завел мотор.

– Выше меня только Мирослав, – напомнил он. – О каком «главном» ты говоришь? Кто здесь руководит?

– Корнеев.

Влад нахмурился, вспоминая, о каком Корнееве речь. Если это не уборщик со второго этажа, то, видимо, подразумевается нанятый полгода назад сыщик. Тот, что работал в тени, под патронатом Мирослава... только над чем же конкретно он работал, если уже руководит столь сложным делом?

– Корнеев, – повторил вслух Влад, медленно проезжая мимо высохших кустов. – Так и быть, поговорим. Объяснишь мне, почему у Центра сегодня умерли семнадцать человек.

* * *

Особняк был действительно роскошным – из тех, которые богатые люди строят себе как базовое жилье, где можно сбросить все маски и просто побыть собой. Со спорным дизайном, рассчитанным на людей понимающих. Уровень защиты должен был быть соответствующим – недаром на штурм дома сегодня направили две группы бывших сталкеров при участии собственных оперативников Центра. Однако вид трех карет «Скорой помощи» и одного грузовика, не считая полудюжины особо оборудованных машин ЦАЯ, говорил о том, что без проблем не обошлось. Может, и вообще ничего гладко не прошло.

Влад остановил «фиат» прямо на газоне. Выходя, он на всякий случай нащупал пистолет в кобуре под пиджаком.

У входа в дом суетились люди. Пару человек Влад знал в лицо.

– Ольга, – позвал он, неторопливо закуривая.

– Сигарету затушите, пожалуйста, – потребовала в ответ молодая женщина, подходя к нему. – Мы проводим газовый анализ.

Пожав плечами, Влад послушался.

– Что тут происходит? – спросил он. – Где Корнеев?

– В доме, – ответила Ольга. – Изучает замок на двери.

– Какой еще замок?

– Так вы не в курсе?

– Не надо держать меня за дурака, – процедил Влад. – Отведи меня к Корнееву.

Ольга отвернулась, вытащила рацию, неторопливо что-то произнесла. От того, что к нему повернулись спиной, Влад почти испытал бешенство. С раздражением спрятав пачку сигарет в карман пиджака, он принялся ждать.

– Виктор сейчас подойдет, – сказала Ольга. – С вашего позволения.

Влад кивнул. Глядя в сторону, он прикидывал, как перехватить инициативу в предстоящем разговоре. Обычно это являлось ни к чему не обязывающей профессиональной привычкой, но не сегодня. Он должен был показать, кто именно тут главный.

– Решили посмотреть? – проговорил спокойный голос.

Влад окинул Корнеева начальственным взглядом. Он не мог припомнить, видел ли детектива до этого хоть раз в жизни. Виктор выглядел сильно уставшим, но тем не менее собранным. На его лбу красовался широкий кусок пластыря. Влад из принципа не стал спрашивать о том, где детектив умудрился заполучить подобный след.

– Что здесь творится? – задал он другой вопрос.

– Разбираемся, – ответил Виктор. – Как только все выясним – отчет ляжет на стол Мирослава.

– С конфликтами такого уровня обычно разбирается мой отдел, – сказал Влад чуть жестче.

– Юридический? На каком слове мне следует смеяться?

Влад некоторое время смотрел на детектива, но тот даже не моргнул. Суета на заднем плане служила отталкивающим фоном, словно давая понять Владу, что он здесь лишний. В нем начала закипать ярость.

– Я твой прямой шеф, – отчеканил он. – Работаю напрямую с Мирославом. Тебе это о чем-нибудь говорит?

– Конечно, – чуть улыбнулся детектив. – Полгода назад я помог разоблачить одного из таких «шефов» в Киеве и навалить ему по рогам. Его дом все еще хранит следы от моих пуль. Так же как и этот особняк, кстати. Если у вас проблемы с Мирославом, то я не в силах их устранить. Могу только усугубить. Решайте сами.

От такой наглости Влад едва не потерял равновесие. Но кое-что в словах сыщика его насторожило.

– Секунду, – проговорил он вслед уходящему было Виктору. – Что значит следы от ваших пуль? Вы сегодня участвовали в конфликте?

– Участвовал, – подтвердил Виктор. – Вы даже этого не знаете, стало быть. Высказывайте претензии к тому, кто занимается уровнями допуска.

Телефон в его кармане негромко замурлыкал. Вытащив трубку, Виктор приложил ее к уху.

– Влад приехал? – послышался голос Мирослава.

– Да.

– Расскажи ему то, что знают все. Но не рассказывай о том, до чего ты докопался сам. Обсудим позже.

– Хорошо, – ответил Виктор и убрал телефон обратно.

– Теперь нам можно пройти в дом? – нетерпеливо спросил Влад.

– А вы этого хотите? Ну давайте. Надеюсь, у вас крепкий желудок.

– Не жалуюсь.

Они прошли мимо грузовика, в который грузили большие черные мешки. Влад поморщился.

– Наши? – спросил он, глядя на грузовик.

– Вы о чем? – уточнил Виктор. – О телах? Нет, не наши. Это охрана дома.

– Много их что-то.

– Потому и послали две группы.

– Какие две группы? Все сталкеры?

Виктор промолчал. Влад ухватился за родившуюся у него идею:

– Наверное, мне стоит допросить одного из выживших.

– Не нужно.

– Почему? Вас же я допрашивать не могу.

Детектив задумался. Влад посмеивался в глубине души. Сколько бы Мирослав ни пытался засекретить суть операции, лазейку всегда можно отыскать.

– Давайте так, – сказал Виктор, остановившись на ступеньках. – Мы с вами работаем на общую организацию. С тем же успехом можно сказать, что все мы живем на одной планете. То есть это не значит, что все люди братья. Соответственно, мы с вами в данном деле даже не коллеги. Тем более что я простой сотрудник без конкретных задач, а вы руководите юридическим отделом. Но вас сюда никто не звал. Вы приходите из чистого любопытства или иных корпоративных заморочек, мне не интересных, и мешаете всем работать. Здесь вам не зал суда. Это место преступления с двумя десятками убитых, и моя задача – выяснить, что произошло, не допуская при этом утечки информации. Если вы продолжите мешать мне в том же духе, я просто распоряжусь запереть вас в том грузовике. Или же вы, как человек, без иронии, большого ума, просто пойдете со мной и поможете. Выбор за вами.

Совершенно потеряв дар речи, Влад принялся нервно ощупывать карманы пиджака.

– Да, и если вы вытащите пистолет, – добавил Виктор, – то я грузовиком не ограничусь. Прекращайте валять дурака, пожалуйста. Дело тут очень серьезное. Ведите себя спокойно, и я дам вам возможность допросить одного из группы.

Тактично прокашлявшись, Влад молча последовал за Виктором на крыльцо.

Вход в дом представлял собой подобие шлюза. Наружные двойные двери были почти роскошными – высокие дубовые ворота с красивыми медными ручками. Но то, что Влад увидел за ними, выглядело очень странно. Они с Виктором оказались в ярко освещенном пространстве размером с небольшую комнату, противоположная стена которой имела по центру массивную дверь. Сейчас она оставалась приоткрытой. Изнутри дома слышались приглушенные голоса, перемежающиеся звуками фотовспышки.

– Неплохой вход, – похвалил Влад. – Даже дыр в стенах не видно. А как же заполнять отсек газом в случае чего?

– Никак, представьте себе. И даже пулеметов в стенах нет. Но я хотел показать другое. Взгляните на замок.

Влад осторожно посмотрел на дверь с наружной стороны. Его внимание привлекла панель с рядом белых и черных клавиш. Чуть выше располагался потухший экран.

– Это что? – спросил он. – Пианино?

– Почти. Музыкальный замок. Чтобы открыть нужно набрать последовательность нот.

Влад присвистнул.

– Похоже, вы его открыли, – заметил он.

– Да, открыли. Правда, нам это стоило дорого. Пройдемте внутрь.

Виктор пропустил Влада вперед, и юрист испытал куда более сильное потрясение.

– Это еще что за чертовщина? – спросил он, глядя на белый коридор, уходящий круто вниз.

– Считайте это особенностью местной архитектуры. Вход ведет вовсе не в сам дом, а к подземному этажу. Вполне логично, что нет смысла ставить титановую дверь туда, где в окнах стоят обыкновенные стекла.

Влад с досадой подумал, что об этом мог бы догадаться и сам. Собственно дом вряд ли мог кого-то настолько заинтересовать, чтобы присылать две группы специалистов. А вот то, что под домом...

– Почему замок был таким странным? – спросил он. – Это вы выяснили?

– Нет, но почему это кажется странным? Вполне себе рабочий шифр. Взломать столь же трудно, как и подобрать цифровой код. А передать другому так и вовсе невозможно, если только оба не знакомы с нотной грамотой.

– Можно было пронумеровать каждую клавишу и записать как последовательность цифр.

– А вы начинаете понимать, – слабо улыбнулся Виктор. – Именно подобные детали и стали причиной массовой перестрелки.

– Кстати, а кто был владелец дома?

– Хорошие вопросы вы задаете. Прямолинейные. Я бы даже сказал, почти наводящие.

Поняв, что ответа он не услышит, Влад умолк.

Нижний этаж представлял собой простой подземный гараж. С той разницей, что не имел никакого выезда для машин. Влад снова подавил возглас удивления. Кто мог спроектировать это место и зачем?

– Как вы уже поняли, этот дом представляет собой два разных объекта, вложенных друг в друга, – пояснил Виктор. – Снаружи это просто жилая усадьба. Внутри – нелинейный бункер, частично проникающий на верхний уровень. В самой высокой точке имеется смотровое окошко, примыкающее к окну второго этажа. Группа «Мона» проникла в дом как раз через него.

– Группа «Мона»?

– Да. Я был в группе «Лиза», ждал у двери, пока нам передадут музыкальный код. Возможно, именно поэтому я и жив.

Виктор говорил бесстрастно, шагая по холодному полу. Влад старался не отставать от него. Вскоре он почувствовал запах пороха.

– Здесь, – сказал Виктор, открывая металлическую дверь. – Добро пожаловать.

Влад приблизительно представлял себе то, что увидит за дверью, но такого точно не ожидал. Помещение оказалось длинным и узким, с высокими стеллажами вдоль стен. Здесь было холодно, как в морге. словно в подтверждение его мыслей на полу были уложены тела.

– Семнадцать мертвых, – произнес Влад.

– Шестнадцать, – поправил Виктор. – Один выжил.

– Где он?

– Под присмотром врачей.

– Он ранен?

– Да. Но несколько необычным образом.

– Что это значит? – не понял Влад.

Виктор показал на стеллажи с открытыми ящиками, в которых виднелись пустующие углубления.

– Знакомые футляры? – спросил он.

– Знакомые. Контейнеры для артефактов.

– Именно. Здесь был склад некоторых... вещей. Самое близкое сравнение для них – бомбы оглушительного действия.

– Какое-то оружие?

– Это нам тоже предстоит выяснить. Но эти штуки сработали как оружие, несомненно.

– Тогда где они все? – Влад поискал взглядом хотя бы один артефакт. – Вы их вывезли?

– Нет. Они сдетонировали. Все до единого.

– И группа «Мона» попала под раздачу?

– Похоже на то.

Влад наклонился над одним из тел.

– Погодите, у этого парня пулевое отверстие в голове, – заметил он. – Неужто артефакт так работает?

– Я даже не удивлен вашему вопросу, – ответил Виктор. – За полгода в Центре мне удалось и не такого начитаться. Но нет, артефакты Зоны пока что стрелять не научились. Этого человека убили из «снеговика». Как и всех остальных.

– Какого снеговика?

– Оружие, стреляющее неким подобием ледяных пуль. Не понимайте слишком буквально, это самое близкое сравнение. «Снеговик» работает на аномальных технологиях. В «Моне» такие штуки были у всех.

– Они друг друга перестреляли?

– К сожалению, неизвестно. Боезапас «снеговиков» не поддается баллистическим экспертизам. Невозможно понять, кто в кого стрелял. Надеюсь, выживший что-то прояснит, как только нам удастся до него достучаться.

– А в чем проблема?

Виктор помолчал немного.

– Пойдемте, я вам его покажу, – сказал он. – Сами поймете, что проблема есть. И большая.

Выйдя из дома, Виктор направился к карете «Скорой помощи». В действительности это был транспорт ЦАЯ, имевший полностью другую начинку, хотя и по-прежнему медицинского характера. У задних дверей стоял охранник с автоматом.

– От кого пациента охраняют? – поинтересовался Влад. – Здесь чужих вроде быть не должно.

– Охраняют как раз нас от пациента, – ответил Виктор, делая бойцу знак отойти в сторону. – Сейчас вы сами все увидите.

На всякий случай Влад проверил пистолет в пятый раз за вечер. Напустив безразличие, он открыл дверь.

– Что это значит? – спросил он.

– Слышали про Борланда? – усмехнулся детектив. – Он сейчас перед вами.

Влад не отводил взгляда от крепко сложенного мужчины, сидящего перед ним. Борланд казался совершенно нормальным. Он размеренно дышал и смотрел по сторонам, словно любующийся оборудованием фургона. На правом запястье блеснул браслет наручников, другой конец которых охватывал ручку откидной койки.

– Как жизнь, браток? – спросил Влад.

– Не старайтесь, – проговорил Виктор. – Он вас не слышит.

– Но видит?

– Нет. Он не здесь. Забудьте о том, чтобы его разговорить. После действия артефакта жертва оказывается замкнутой сама на себя. Она полностью перестает воспринимать окружающий мир. Перестают работать зрение, слух, вкус, тактильные ощущения, центр равновесия. Словом, все каналы связи с человеком обрубаются.

– Что-то я не помню у нас такой разработки.

– В какой-то степени ее и не было, – уклончиво сказал детектив. – В Центре пытались создать нечто подобное. Идея, кстати, достаточно простая. Отличное гуманное оружие – если, конечно, найти противодействие для возврата жертвы в нормальное состояние. Но мы этого сделать не смогли.

– Значит, артефакт попал в дом прямиком из Зоны?

– В таких количествах? Вы же видели склад. Их там были сотни.

Виктор в последний раз посмотрел на Борланда и закрыл дверь.

– Борланд мог бы рассказать, что произошло, – вымолвил он. – Однако он уже не с нами. И как его вернуть – никто не знает.

К ним подошла Ольга.

– Мы закончили, – сообщила она.

– Хорошо, – кивнул Виктор. – Сворачивайтесь. Итоги всех анализов мне на стол сразу по получении.

– Какое облегчение. – Влад нетерпеливо вытащил сигареты. – Теперь можно спокойно покурить. Хотите?

– Благодарю.

Выдохнув дым, Влад слегка расслабился.

– Вы спрашивали, слышал ли я про Борланда, – произнес он. – Да, слышал. Два анекдота, пословицу и одну похабную песню. Еще читал рапорт о мордобое с его участием, случившимся в столовой.

– Ну, всякое случается. Парни не поделили последний стакан вишневого компота.

– И такие люди у нас работают? Интересно кем?

Виктор пожал плечами.

– Когда как, – ответил он. – За полгода я с Борландом пересекался всего несколько раз.

– Вы пришли сюда вместе?

– Не вместе. Просто в одно и то же время.

– И были знакомы до этого?

– Да. – Виктор не отводил взгляда. – Причем знакомство тоже состоялось случайно. Не могу сказать, чтобы моя жизнь от этого сильно обогатилась.

– Понятно. А может быть, что Борланд сам всех перестрелял?

Виктор не дал сбить себя с толку.

– Исключено, – ответил он. – Хотя бы потому, что среди погибших был один из его друзей.

– Это что-то меняет?

– Для бывших сталкеров – меняет. Не мог Борланд застрелить старого товарища.

– А у старого товарища есть имя?

– Только оперативный псевдоним. Но вы же все равно никого из них не знаете.

– Не важно. Позже почитаю досье.

Виктор выбросил только что раскуренную сигарету.

– Как угодно, – не стал он возражать. – Поищите по запросу «Фармер». Если вы убедите меня, что Борланд мог его убить, то я сам стану таскать вам вишневый компот до скончания века.

– Ясно. – Влад вытащил телефон. – Мне нужно позвонить, прошу прощения.

Виктор отошел в сторону, наблюдая, как тела бойцов Центра грузят в машину. После разговора с Владом он снова ощутил, как события кошмарного вечера наваливаются на него.

– Виктор, – услышал он тихий шепот рядом.

– Да, – опомнился детектив. – Что случилось?

Ольга показала ему продолговатый предмет, завернутый в черный целлофан.

– С этим что делать? – спросила она.

Виктор поспешно накрыл предмет ладонями.

– Спрячь «сустейн» куда-нибудь и отнеси к себе домой, – сказал он. – Я заберу позже. В отчете ничего о нем не пиши. Владу особенно. Сама сними отпечатки, хотя вряд ли они будут. Сделай все, что можешь, но найди для меня любые мелочи, какие сумеешь. Сделаешь?

– Да.

– Спасибо. Теперь иди.

Ольга сунула предмет в чехол для фотокамеры. Виктор порадовался ее благоразумию. Хочешь что-то спрятать – выставь у всех на виду.

Влад как раз подходил к нему со слегка шутливым выражением лица.

– Вас к телефону, – сказал он. – Мирослав.

Приняв аппарат, детектив поднес его к уху.

– Корнеев на проводе.

– Виктор, – проговорил усталый голос шефа. – Расклад теперь другой. Расскажи Владу все, что знаешь. Без утайки, но и без прикрас.

– Вы уверены?

Пауза длилась долго.

– Ты сомневаешься в моих словах? – спросил Мирослав.

– Да. Сомневаюсь. Мне не впервой искать врагов в ваших стенах, так что мое мнение в данном случае является сугубо профессиональным. К расследованию Влад никакого отношения иметь не может и не должен. Все, что ему следует знать как юристу, я ему расскажу. Но не более. Либо отстраняйте меня от дела.

– И у кого ты научился торговаться? Надеюсь, что не от меня. Будь по-твоему. Расскажи Владу то, что считаешь нужным. Но про ОРАКУЛ он должен знать.

У Виктора участилось сердцебиение.

– Вопрос щекотливый, – произнес он. – Может, вы тогда сами...

– Витя, ты хотел карьерного роста? Вот твой шанс. Будь добр, поделись с нашим юристом сведениями, о которых завтра, возможно, узнает вся Россия. Пусть он сам решит, как нам избежать подобной утечки.

– Будет сделано.

– По приезду жду у себя. Приступай.

Вернув Владу телефон, детектив попытался собраться с мыслями.

– Что-то случилось? – поинтересовался юрист с легким притворством.

– Давайте куда-нибудь отойдем, – предложил Виктор. – В вашей машине безопасно говорить?

– Абсолютно, – заверил Влад с энтузиазмом. – Милости просим.

«Фиат» Влада выглядел как самый простой автомобиль – что, учитывая производимое юристом впечатление, было странно. Хотя, с другой стороны, – практически идеальная машина для слежки. И все же Виктор не мог отделаться от мысли, что Владу эта машина как бы не к лицу – не стыковалась простота «фиата» с психологическим портретом юриста, амбициозного, немного огламуренного, пусть даже всегда практичного. Такому было бы по душе раскатывать на «бентли» или хотя бы на «мерседесе». Тем более что и то и другое Влад при желании мог бы себе позволить. Виктор же, в свою очередь, так и не научился считать деньги, чтобы заработать себе на автомобиль. Правда, сейчас это большой проблемой не было, тем более что ему дали служебный «форд», но...

Детектив отогнал от себя посторонние мысли. Он заметил, что, подходя к машине, Влад нажал кнопку на брелоке. Стало быть, по приезде он ставил ее на сигнализацию. Было немислимо, чтобы здесь, в окружении собственных сотрудников и в какой-то степени подчиненных, имелся риск проникновения в его машину. Манией преследования Влад тоже не страдал. Напротив, его всегда выделяла некоторая беспечность. И все же свой «фиат» он считал нужным запирасть. Что это было – рефлекс? Виктор сомневался. Значит, Влад попросту никому не доверяет.

Сунув руку в карман куртки, он нащупал автомобильный маячок, который таскал с собой с тех пор, как получил доступ к отделу гаджетов ЦАЯ. Может, стоит поставить маячок за правым задним колесом «фиата»... так, на всякий случай... Мысль пришла без приглашения, сама по себе, вместе с уведомлением о том, что параноидальные страхи детектива цветут и пахнут. Пожалуй, среди всех вещей, что они с Владом имели при себе, только одна вещь была и у того и у другого – пистолет. Плохо, когда с собеседником тебя ничего не связывает, кроме любви к оружию. Но, по крайней мере, Виктор точно знал, что такое пистолет и когда его стоит вытаскивать.

К удивлению детектива, Влад сел не за руль, а на заднее сиденье. Виктору пришлось сделать то же самое, сев с другой стороны. Это его нервировало. После перенесенного стресса любой разговор по душам мог выбить его из колеи. Он бы предпочел вести диалог с пассажирского сиденья, где есть чувство личного пространства. Заднее сиденье «фиата» не оставляло ему никаких шансов на поддержание собственного энергетического кокона.

Внутри «фиата» чувствовался сильный сигаретный запах. У Виктора закралось подозрение: не было ли это для того, чтобы скрыть другой запах, не столь относительно миролюбивый? Он тут же приказал себе очистить голову от всякого ненужного барахла. Раз уж в расследовании у него наметился перерыв, то пусть он будет продуктивным.

Откинув голову на спинку сиденья, Виктор прикрыл глаза. Плевать, как он выглядел со стороны. Влад испытующе смотрел на сыщика. Пусть думает что угодно. Вряд ли юрист хоть раз в жизни бывал в перестрелке.

– Тяжелый день? – с участием спросил Влад.

– Не сложнее завтрашнего.

– Это да, – кивнул юрист. – Отчет у шефа – тот еще геморрой. Поверьте мне, я знаю.

«Хочешь показаться другом», – подумал Виктор с неуместной завистью. Сам он никогда не обладал даром доверительного лицемерия. Хотя он был фанатом искренности, но моментов, когда искренность не приносила ему проблем, он мог вспомнить немного.

– Итак, ОРАКУЛ, – мягко напомнил Влад. – Расскажите мне о нем, пожалуйста. Все, что знаете. Я понимаю, что вас в любом случае будут частично дезинформировать. Но если мы вместе постараемся разобраться в том, что случилось...

– Слушайте, я вроде не платил за сеанс у психолога, – с раздражением огрызнулся Виктор. – Дайте мне сконцентрироваться, пожалуйста.

– Это ваше право, – согласился Влад. – Может, вам тогда лучше передать расследование кому-то другому?

Виктор помассировал лоб.

– Короче, – сказал он. – Я и сам знаю немного. ОРАКУЛ – это боевое подразделение ЦАЯ. Хотя это очевидно... Расшифровывается как Отдел по Расследованию Аномальных Конфликтов, Убийств, Легенд.

– Убийств? Они бывают аномальными? По-моему, это самая естественная вещь в природе человека.

– Естественна лишь смерть, – сказал Виктор. – И рождение. И хотя рождение пока происходит только одним способом, смерть может прийти разными путями. В том числе аномальными. Бывали случаи.

– И долго этот ваш ОРАКУЛ существует?

– Его создали приблизительно четыре месяца назад.

– Четыре месяца? – не поверил Влад. – Как в ЦАЯ так долго могло существовать элитное подразделение, о котором я ничего не...

– Да оно вовсе не элитное, – прервал его Виктор. – Нет никакой элитарности в том, чтобы собрать уставших от жизни, нервных людей, нелогичных, эмоционально нездоровых, и дать им подобие сталкерской жизни здесь. Почитайте отчеты, наблюдения врачей о феномене сталкерства и его влиянии на психику. Все материалы лежат в свободном доступе во внутренней сетке нашего сервера.

– Почитаю, – кивнул Влад.

– ОРАКУЛ был личной инициативой Каменского, – продолжал Виктор. – Идея была в том, чтобы сгруппировать воедино всех агентов и теневых исполнителей разного рода поручений, связанных с проблемами, вызванными использованием артефактов за пределами Зоны. Внутри самой Зоны проблемы собственные, но здесь, в нашем мире, многие вещи порой выхо-

дят из-под контроля. Практически во всех случаях подразумевается нецелевое использование мощи артефактов их конечными потребителями.

– Какое нецелевое использование вообще тут может быть? Погодите, сам скажу. У нас в плане этого имеется четкий регламент. Если артефакты выходят за пределы Зоны, то они поставляются к нам. Если же они выходят за наши пределы, то остальное уже не наша проблема. На выход у нас идут неопасные штуки. Частное лицо может приобрести себе подобие заменителя электрической батарейки, которая проработает несколько минут и превратится в кусок смолы. Или подавитель радиационного фона. Государство – наше, разумеется, – может добыть одноразовый агрегат для регенерации. Но не более.

Виктор с трудом подавил нервный смех.

– Агрегат, – повторил он, словно смакуя нелепость этого слова в данном контексте. – Вы вообще знаете, в чем суть артефактов?

– Да, конечно, – ответил Влад с некоторым сомнением. – В Зоне есть некоторые отклонения от привычных нам законов мира, которые порождают определенные материальные...

– Я тоже помню официальное определение артефакта. До чего же я не люблю это слово... Оно у меня ассоциируется с чем-то... более величественным, что ли. Историческим, значимым.

– Тут я могу с вами согласиться.

– Процентом девяносто восемь всех артефактов – самый настоящий мусор. Было время, когда в ЦАЯ исследовали все странные штуковины, которые им попадались, то и дело отсекая их от откровенных фальшивок. Тогда в Центре изучали все, что можно. Каждый паршивый кусок камня, который, скажем, притягивался к стеклу, тут же порождал материал для кучи диссертаций. Вы не хуже меня знаете, сколько бюджета там распилили.

– Это да, – усмехнулся Влад. – А сколько средств налогоплательщиков было отмыто на данной чепухе...

– Практически весь этот хлам в итоге пошел на продажу. Смешно, но почти все конечные потребители продукции Зоны – это обычные любители безделушек, калейдоскопов и всякой прикольной бижутерии. Оно и понятно почему. Ведь артефакты преимущественно добываются теми сталкерами, которые все более или менее полезное пускают на собственные нужды. Иногда – на то, чтобы вернуться домой, но чаще – чтобы остаться. В Зоне уже внедрили полугосударственные силовые группировки, которые бы перекупали ценные штуковины у сталкеров и поставляли их нам. Но и этот ход почти не работает.

– Группировки? Вы имеете в виду кланы, что ли?

– Ага. Клань. Видите, там даже самоназвания стали появляться. Свой жаргон, специфические манеры поведения, даже некоторый кодекс уважения... Дальше – больше. Свои рынки, своя экономика. Наружу идет осетрина второй свежести.

– Понятно.

– Мы весь этот хлам разбираем, пытаемся систематизировать. Что-то оседает на складах, что-то утилизируется. Как именно утилизируется – не спрашивайте меня. Мне становится плохо при самой мысли об этом. Остальное идет на продажу. И этим «остальным» как раз все и финансируется. Хотя и не слишком умело. В последнее время экономическая ценность Зоны сильно упала.

– Там у них вроде переворот был, – проговорил Влад.

Виктор мысленно похвалил юриста. Как филигранно и невзначай он бросил невинную фразу, после которой, по логике вещей, детектив принялся бы рассказывать об операции, известной как «Горизонт событий». Операции загадочной, непонятной даже сейчас.

– Понимаете, в чем смысл, – произнес Виктор. – Идея Зоны морально устарела. Она, скажем прямо, уже не так популярна в государственных кругах. Хотя она все еще может приносить жемчужины, мало кто хочет ради них ковыряться в мидиях. Наши потребители от нее

уже устали. Приходится как-то выживать. Но, как я уже сказал, почти все, что оттуда поступает, не имеет практического применения.

– И как с этим связано появление группы силовиков? Этот ваш ОРАКУЛ...

– Вот тут и начинается самое интересное. Из оставшихся двух процентов артефактов, которые идут на продажу, некоторые оказываются фактически оружием. Обретают свойства, которые в ЦАЯ не сумели вовремя выявить. Но кто-то из нашей клиентуры может оказаться более удачливым.

– Вы хотите сказать, что сталкеры могут приволочь кусок камня, да еще таким образом, что ни они, ни мы не поймем, что это такое, а на самом деле он окажется оружием?

– А почему бы и нет? Никто не знает, как именно покупатель будет его использовать. Без лишних деталей расскажу, что зимой у нас произошел неприятный случай. ЦАЯ перепродал одному из покупателей колбу с жидким наполнителем, внутри которой плескалось что-то, напоминающее кусок старой древесины. Мы изучали его вдоль и поперек, но так и не смогли понять, что с этим делать. Измерили массу, плотность, проверили на все возможные излучения. Вроде безопасная штукавина. Но дома у покупателя произошло непонятное. Он повесил покупку на стену в своей сауне как простую декорацию, между чучел убитых им животных. А затем, когда он позвал туда гостей, что-то случилось. Не знаю, как ему удалось поменять свойства артефакта, но спустя час все обитатели сауны были мертвы. Без следов насилия. Синдром внезапной смерти. Так, собственно, и написали в свидетельствах.

– А хозяин?

– Выжил, конечно. Вроде как за квасом в погреб выходил.

– И сидел там час, – иронически заметил Влад. – Надо же, какой везучий человек.

– Да, такому только в лотерею играть.

– И все же, как вы догадались, что дело в артефакте?

– Тут и думать не пришлось. Артефакт тоже без изменений не остался. Стена, на которой он висел, изменила цвет, точно под оттенок жидкости в артефакте. Знаете, такой аристократический цвет дорогого коньяка...

– Прекратите, а то я в жизни больше к коньяку не притронусь.

– Я просто привожу факты. Артефакт и сам был весьма похож на диковинную бутылку – не в последнюю очередь благодаря тому самому стручку, болтающемуся внутри. Прямо настойка перцовки.

– Так может, они его выпили?

– Очень смешно. Гости умерли от аномального воздействия, это точно. Изменения стенки больше ничем не объяснить. Любопытно было другое. Почему на тестах у нас ничего этого не происходило? Как артефакт внезапно стал смертельно опасным? Особенно кстати было то, что смерть всех гостей сауны оказалась на руку владельцу.

– Он собрал вместе всех врагов?

– Не то чтобы врагов, а скорее, не совсем угодных людей. В тот день он позвал всех деловых партнеров, парочку представителей конкурирующей фирмы и налогового инспектора. Плюс пару человек, которым был должен. Причем до этого он никогда их в гости не приглашал.

– Я прямо начинаю завидовать его удаче.

– Еще бы, – вздохнул Виктор. – По достижении определенного уровня удача приравнивается к точному расчету.

– Как юрист скажу, что синдром внезапной смерти тут бы не прокатил. Не знаю, что за фирма там была, но после такого она бы точно закрылась.

– Так она и закрылась. Хозяин укатил на Багамы, и там его след потерялся.

Влад рассмеялся.

– Не знаю, что сказал бы прокурор, но для ЦАЯ вина покупателя была очевидна, – продолжил Виктор. – Нас не интересовали его дела. Нам только нужно было знать, каким обра-

зом ему удалось активировать новые свойства артефакта. Черт побери, такую мощную штуку точно бы никому не продали, если бы знали, как ею пользоваться. Как бы то ни было, наши люди быстро выехали на место. Два бойца и пара сталкеров. Аккуратно добыли артефакт, вернули назад. Сауну сожгли, и все закончилось. Тогда-то Каменский и решил, что ему необходим специализированный отдел, который бы занимался подобными вопросами. Никогда не знаешь, как поведет себя та или иная разработка, покидающая наши стены. Но официально он решил никакой новый отдел не регистрировать. В основе группы, которой следовало бы заниматься всей этой чертовщиной, не было конкретного костяка, не говоря уже о субординации. Мирослав просто собрал людей с бору по сосенке. Прежде всего выделил несколько человек из службы безопасности, заплатив по двойному тарифу. Затем выписал из Зоны несколько сталкеров – преимущественно тех, которые попали под арест по тем или иным причинам. Кстати, желающих было хоть отбавляй. Вы не поверите, как много сталкеров в Зоне мечтают оттуда свалить, но вместе с тем имеют к ней какое-то отношение.

– Синдром войны в Заливе?

– Да, что-то вроде того. Наконец, третья категория, которую искал Каменский для комплектации ОРАКУЛа, – это люди, которые вообще ни к Зоне, ни к ЦАЯ отношения не имели ни в каком контексте, однако показались ему подходящими кандидатами на такую работу.

– Вы имеете в виду себя?

– Совершенно верно. Я и о Зоне впервые услышал в прошлом году. Но эта работа не лучше и не хуже любой другой.

Виктор почувствовал, что ему гораздо легче говорить, чем раньше. Словно между ним и юристом установилось некоторое профессиональное доверие, пусть даже весьма шаткое.

– Новый отдел с сегодняшнего дня возглавил военный по фамилии Крот, – сказал он. – Но никакой военной структуры не наблюдалось. Крота и в лицо знали не все. У них не было четкого свода правил или чего-то там. Даже если бы ЦАЯ работал полностью открыто и был для населения очередной коммунальной конторой, вроде газового хозяйства, то даже тогда ОРАКУЛ никогда бы официально не существовал. Но не потому, что был бы засекречен. Просто тут прятать было нечего. Работа ОРАКУЛа основывалась на тех же принципах, на которых девочкам из деканата порой поручают прочитать пару лекций. Ни в каких бумагах такие вещи не указывают, но все же они порой происходят. Ситуации, когда на Большой земле случаются неприятности аномального характера, слишком редки, чтобы создавать и финансировать целую военизированную структуру. Тем более что, как показала практика, в таких случаях огонь и меч решают любые проблемы.

– И еще команда адвокатов, – добавил Влад. – Теперь я все понял. Сегодня мечта оказалась недостаточно, чтобы все решить.

– К сожалению, да, – мрачно сказал детектив. – Нас разделили на две группы. Я был в группе «Лиза». Нам нужно было проникнуть в дом через парадный вход, чтобы найти и обезвредить артефакты. Борланд был в группе «Мона». Им следовало залезть в особняк через крышу, найти шифр к музыкальному замку и передать его нам.

– И их всех перестреляли, а артефактов вы не нашли.

– Вы сами все видели. Проблем у нас оказалось слишком много. Боевые действия в Подмосковье. Шестнадцать трупов с нашей стороны. Груз пропавших артефактов – без преувеличения, опасных и страшных. Сейчас эти штуки уже могут быть хоть в Кремле.

– Разве? Хозяин дома настолько крут?

– Понятия не имею.

– Как же в ЦАЯ умудрились проморгать подобную мощь? Как частное лицо могло получить в свое распоряжение такое количество разрушительной силы?

– Задайте эти вопросы Каменскому, – порекомендовал детектив. – Может, он расскажет, как так получилось. Почему бомбы паралитического действия прошли сквозь фильтры стал-

керов, Барьера и Центра, оказавшись у какого-то богатого старикана, фиг знает на кого озлобленного. Мне же предстоит задача потривиальнее. Исправить чужие ошибки. Дай Бог, чтобы хозяин дома сам не работал на кого-нибудь пострашнее.

– Сочувствую вашему объему задач, – заметил юрист.

– Ваш объем вряд ли будет меньшим, – сухо ответил Виктор. – Особенно если окажется, что Кремль тут не просто так к слову пришелся. Как бы и вам лично не пришлось выбирать сторону.

– Давайте не будем заходить так далеко.

– Давайте. Я уже не молод и достаточно пожил на свете, чтобы знать: кто-то сверху есть всегда и над всеми.

– А если тот, кто на обозримом верху, не верит в того, кто выше?

– Тогда его подточат те, что с высоты кажутся термитами.

Виктор почти пожалел, что выбросил предложенную сигарету, однако ему тут же в голову пришло другое желание, которому он удивился, как нелепому и неуместному. Потому что еще больше, чем курить, он хотел снова увидеть Ольгу. В данный момент больше никто не мог ему вернуть душевные силы одним своим присутствием.

Не говоря ни слова, Виктор открыл дверь и выбрался из машины. Только сейчас он понял, до чего тесно там было.

– Вы уже сворачиваетесь? – спросил Влад, тоже выбираясь на свежий воздух.

– Как видите.

– У меня к вам просьба. Надеюсь, вы не откажете.

– Какая просьба?

– Вы позволите мне вернуться обратно в машине «Скорой»? Вместе с Борландом.

– А вам-то это зачем? Вы не сможете от него ничего добиться. К тому же с ним поедет охрана.

– Ну, мало ли... – произнес юрист с неуверенностью, в которую детектив не поверил. – Вы же ничего не теряете.

Виктор хотел ему отказать, но не решился. Неизвестно, где ему сейчас может понадобиться союзник.

– Почему бы и нет, – произнес он. – Езжайте, раз хотите. Что будет с вашей машиной?

– Не страшно, – заверил Влад. – Попрошу кого-нибудь отогнать ее на базу.

– Никаких проблем. Я сам ее отгону.

Влад в растерянности захлопал глазами. Такого мяча в свои ворота он явно не ожидал.

– Почему бы и нет? – проговорил он и бросил Виктору ключи, которые тот поймал на лету. – Коробкой-автоматом умеете пользоваться?

Виктор ощутил волну ярости, которую тут же подавил. Он успел позабыть, что Влад, согласно своей репутации, никогда ничего не уступал без компромиссов.

– Умею, – буркнул он. – Увидимся в Центре.

Влад забрался в машину «Скорой помощи» с заметным азартом. Глядя на это, Виктор усомнился в своем решении позволить ему там ехать, но отступать было поздно. С другой стороны, от возможных проблем мог подстраховать санитар – знакомый Виктора, который понимал детектива без лишних слов.

– Все нормально, – сказал Виктор санитару. – Этот человек поедет здесь. Охраняй Борланда. Это самое главное.

После этих слов сыщик не мог отказать себе в удовольствии насладиться гримасой гнева на лице юриста. Что бы ни случилось, санитар будет охранять сталкера от любых неожиданностей. Если что не так – даже применит грубую силу. Тем более что телосложением он был покрепче, чем неожиданный пассажир.

Закрыв снаружи двери, Виктор велел водителю ехать, после чего в задумчивости посмотрел на «фиат» Влада. Ему не хотелось туда возвращаться, даже за руль. Он испытывал обостренное чувство одиночества. Дом почти опустел, здесь осталась лишь пара охранников. Да и эти скоро уйдут, когда опечатают все двери. После этого объектом займется обычная полиция, которая, разумеется, никак на ЦАЯ не выйдет.

Особняк стал пугать Виктора. С отвращением отвернувшись от зловещих очертаний дома, детектив сел за руль «фиата» и поехал вслед за остальными.

* * *

Влад смотрел на Борланда с ненавистью.

– Что вы применили? – спросил он.

– В смысле? – спросил санитар, напряженно следя за юристом.

– Ну, что вы сделали, чтобы его разбудить? Кололи ему что-то?

– Зачем колоть? Мы же не больница. Привезем в лазарет, там разберемся.

– А что у тебя здесь есть?

– Да много чего есть. Разные виды обезболивающего, анестетики и прочее.

– А есть адреналин?

– Да, конечно.

– Вколи ему, – велел Влад.

– Это еще зачем?

– Вдруг поможет?

– Это не может помочь.

– Мы хотя бы удостоверимся, что он не симулирует, – настаивал Влад.

– Он не симулирует. Сто процентов. И проверять это и втыкать в пациента булавки я вам не позволю.

– Ты хочешь потерять место? – пригрозил Влад.

Парень промолчал.

– Я ж тебя знаю, – ухмыльнулся Влад. – У тебя и лицензии-то нет. Отобрали за врачебную халатность. Или ты будешь так глуп, чтобы мне мешать? Сюда ты пришел с поджатым хвостом. Могу сделать так, что тебя отсюда пнут прямо под него. Хочешь?

– Я не дам дотронуться до пациента, – сказал санитар, несколько не смутившись.

– Ладно, – сказал Влад, отвернувшись, и тут же выдернул пистолет, нацелив его санитару в голову. – Я не шучу. Ты мешаешь в расследовании очень важного дела. Пациент будет жить. И, может быть, долго. Так что лучше подчинись. Коли ему что-нибудь, что подстегивает нервную систему. Хуже ему не станет, зато может быть лучше. Ты ничего не теряешь. Выполняй.

– Как прикажете, – сказал санитар. Он не казался испуганным, но и на пистолет старался не смотреть, что доставило Владу некоторое удовольствие. Порывшись в медикаментах, врач приготовил шприц, наполнил его из пузырька без этикетки. Постучал по игле пальцем, выпустив из нее несколько капель.

– Закатайте ему рукав, – сказал он. – Держите руку.

Поколебавшись, Влад положил пистолет рядом с собой, взял руку Борланда, прижал ее к койке. В следующий момент санитар вонзил иглу шприца юристу в предплечье и тут же схватил его за горло.

Влада охватил приступ бешенства. Завязалась драка. Хотя врач был крупнее и спортивнее, чем Влад, у юриста было небольшое преимущество. В отличие от санитаря, он не старался ограничивать себя в действиях, чтобы случайно не навредить пациенту, который их разделял. Нашупав первое, что попало под руку, Влад с силой ударил этим предметом санитаря в голову, и тот упал.

Это оказался чемоданчик с дефибриллятором. Задыхаясь, Влад подобрал пистолет, нацелился в санитаря.

– Что ты мне вколол, урод?! – спросил он. Его сердце колотилось так, словно было готово разорваться. – Адреналин?

– Да, – ответил санитар, не делая попыток встать.

Борланд продолжал лежать без движения. От этого Влад взбесился еще больше. Подавив желание стрелять во все стороны, Влад нацелился Борланду в лицо.

– Это ты их всех убил? – прошипел он. – Отвечай, мразь, а то завалю!

– Он не слышит, – сказал санитар.

– Молчать! – заорал Влад. Ему не хватало воздуха. И он дернул себя за воротник дорогой рубашки, оторвав две пуговицы. Потное лицо неприятно холодило кондиционер.

– Я докопаюсь до тебя, урод... – хрипел Влад. – Я узнаю, что там случилось, я...

Двери неожиданно распахнулись. Влад даже не почувствовал, когда машина успела остановиться, – до того он был перевозбужден. Он машинально направил пистолет в сторону дверей.

Стоявший снаружи Виктор пулей влетел внутрь, врезавшись в юриста. Тот пытался сопротивляться, но детектив отнял у него пистолет, кинул оружие санитару и от души саданул Влада локтем в зубы.

Тот упал, сплевывая кровь. Виктор схватил валяющийся на полу опустевший шприц и нацелился Владу в глаз.

– Ну что, олень, хочешь проверить мое психическое здоровье? – спросил он. – Нет желания?

Влад молчал. Ночной холодный воздух показался ему ледяным. Один из зубов шатался, и юрист ограничился ненавидящим взглядом.

Детектив выволок его наружу и бросил на асфальт. Юриста осветили фары двух машин Центра.

– Ольга, – позвал Виктор. – Сопроводи Борланда до базы, пожалуйста. Влад поедет со мной. И еще найди мне охрану для него.

– Ты повезешь меня в моей же машине, как пленника? – спросил Влад. – На заднем сиденье, под конвоем?

– Да, – ответил детектив. – Именно так. Все, что скажешь, может быть использовано против тебя. Все, что подумаешь, – будет использовано сто процентов. Сядь в машину.

– Ты пожалеешь, – пригрозил Влад, позволив двум бойцам из группы «Лиза» поднять себя и посадить в машину. – Я тебе гарантирую.

– Твои гарантии ни хрена не стоят, – сказал Виктор, сядя за руль «фиата», ставшего ему вдвойне ненавистным. – Побереги силы для завтрашних объяснений.

Влад продолжал что-то говорить, но Виктор его уже не слушал. Ему предстояло минимум час ехать до Центра по ночной Москве и надеяться, что он окажется дома до утра.

* * *

Домой Виктор попал лишь в пятом часу. Светать еще не начинало, и ему казалось, что эта чертова ночь никогда не закончится. По привычке закрывшись на все замки, он с отвращением оглядел свое логово.

Квартира, выделенная ему Центром, была, возможно, очень даже неплоха, но все же лишена и сотой части того уюта, который Виктор имел в своем жилище в Киеве. Бытовая техника, мебель, окна – все было достаточно новым, но вместе с тем оставалось для детектива столь же чуждым, как и в первый день покупки. Ему так и не удалось обжить это место. Иногда он сомневался, что вообще способен что-либо обжить. Виктор не знал, осталась ли в нем

какая-то индивидуальность после переезда в Москву, или же этот город раздавил его так же, как и всех остальных искателей приключений.

Вернувшись из душа, Виктор вытащил из холодильника бутылку вина и сел за компьютер. Он уже не пил так, как в прежние времена. После крайнего киевского инцидента он неожиданно полюбил трезвость, но раз в неделю не отказывал себе в возможности расслабиться.

Выпив залпом полстакана, Виктор положил пальцы на клавиатуру. Ему нужно было писать отчет для Каменского. Сделать это и поспать хотя бы час. Однако Виктор не мог на это решиться. Неожиданно для себя он начал писать совершенно другой текст. Пальцы сначала выстукивали символы неуверенно, но затем он поймал мысль и немного воспрянул духом.

– Марк, приветствую, – пробормотал он, дублируя голосом письмо. – Извини, что отвлекаю, но мне очень нужен совет по одному делу, которое касается Борланда и меня. Мы попали в очень неприятную ситуацию. Постараюсь изложить суть. Забегая вперед, могу сказать, что во всей этой истории ключевым звеном является фальшивая нота в музыкальном рисунке. Надеюсь, ты сможешь мне разобраться, что к чему. Все началось вчера, когда Борланд сказал, что...

* * *

Алена, извини, но это правда. Фармер погиб.

Не спрашивай меня, во имя кого или чего, прошу тебя. Иначе твой вопрос подразумевал бы предположение, что люди умирают во имя некой цели. Это не так. Люди умирают просто потому, что смертны.

Да, я так и не успел съесть с Фармером по куску торта на мой юбилей. Однако меня расстраивает другое: не нашлось никого, кто бы мне его подарил. Если бы мне подарили торт, то я на радостях отдал бы его обратно, в качестве благодарности за то, что меня помнят. И смотрел бы со слезами счастья, как человек, помнящий мои праздники, кушает торт. Это такое счастье – видеть, как лакомится кто-то, кому ты не безразличен. Может, поэтому мне так импонировал Апельсин?

Однако есть простое объяснение, почему никто не знает, когда мой день рождения. Ведь те, кто становится мне достаточно близок, чтобы отпраздновать этот день со мной, редко сами доживают до следующего такого праздника через год.

Наверное, потому я и сказал на работе, что этот день – сегодня.

Глава 2

«Лиза»

– Мне сегодня исполняется тридцать пять лет, – заявил Борланд с довольным лицом.

Послышались сдержанные поздравления. Кто-то хлопнул Борланда по плечу и вручил ему пачку сигарет. Сталкер принял подарок с поклоном.

– Никак курить начал? – поинтересовался Виктор.

– Да не совсем, – ответил Борланд, пряча пачку во внутренний карман. – У меня просто, как бы сказать... после прихода в Центр снова kleптомания появилась. Тащу все, что вижу. Я в прошлой жизни был белочкой. Да и в этой тоже.

– Ты стал мудр не по годам, – заметил Фармер.

Они поднимались по широкой лестнице вместе с остальными бойцами ОРАКУЛа. Правда, «бойцы» – это громко сказано. Из дюжины мужчин разных лет на бойцов походили от силы человека четыре, причем эти четверо ничем не выделялись бы из толпы на городской ярмарке. Остальные имели вид алкоголиков с солидным стажем. Однако в подпитии никто бы сюда не пришел. Дело предстояло серьезное.

– Тридцать пять лет – это уже почти не мальчик, – проговорил Фармер. – Можно сказать, почти дядя. Когда уже перейдешь на кефир и домино?

– Болтай, болтай, молодежь, – сказал Борланд. – Тридцать пять лет – хотя бы экватор. Пойти, что ли, отметить это дело?

– Так выставляйся!

– А не маловат ли ты будешь, чтобы с дядями пить?

– Я с тобой в общем схроне выброс переждал!

После этих слов сталкеры подключились к разговору, наперебой вспоминая бурные моменты из сталкерского прошлого. Виктор решил промолчать, чувствуя себя чужим на этом празднике жизни. Он бы предпочел, чтобы все собрались, забыли о расслабке хотя бы до вечера. С самого прихода в ЦАЯ он удивлялся, почему здесь так мало порядка – или того, что он принимал за порядок. Он чувствовал, что лучше бы понимал происходящее, если бы тоже побывал в Зоне. Однако сама мысль об этом стала его не на шутку пугать. В Зоне никому не нужен мыслитель – тем более мыслитель-неудачник с претензиями. С другой стороны, у Марка получалось. Но у того хотя бы задача была, а цели детектива всегда касались цивилизованных мест. И этот мир все еще оставался депрессивным, лишенным любой романтики.

– Приехали, – сказал Борланд, останавливаясь у дверей. – Заходим по одному?

Виктор первый отворил дверь и вошел.

Аудитория была очень похожа на школьную. Детектив здесь находился в пятый или шестой раз. По числу визитов он мог назвать число операций разного рода, в которых ему приходилось участвовать. Его смущало, что столы не были новыми и сильно напоминали студенческие парты. Быть может, ЦАЯ формировал свое имущество из списанного барахла? Детектив запросто мог себе такое представить. Все дорожает, а жить как-то надо.

Сколько бы денег Центр ни имел, расточительством местная бухгалтерия не отличалась. Тут любили экономию на всем.

Виктор выбрал первый стол и тут же почувствовал себя выскочкой-отличником. По традиции, с ним больше никто не сел. Это его радовало – он терпеть не мог вторжения в личное пространство. Сталкеры прекрасно понимали эту черту характера. Однако, глядя на то, как они сами без проблем сидят кучками и к нему не подсаживаются, детектив начинал чувствовать неполноценность, которую ненавидел больше, чем толпу. Он не был в Зоне, значит, он не с ними. Он не проводил время ни в бою, ни в окопах. А ведь бывало и то и другое.

Снова хлопнула дверь, и показался Мирослав Сергеевич Каменский. Сталкеры поприветствовали его. Для всех руководитель ЦАЯ носил множество имен: Хозяин, Мастер, Большой Брат, Эм-Эс Кама. Для кого-то даже Господин. И так далее. Борланд называл руководителя по фамилии, а при личном разговоре предпочитал к нему никак не обращаться.

Вместе с Каменским пришел еще один человек, которого Виктор никогда не видел. Но детектив сразу узнал военного. На вид сорок лет, особая манера держаться, пышные усы, ни единого седого волоса. Вероятно, в серьезных переделках не бывал. Он следовал за Каменским, словно верный телохранитель.

Мирослав занял свое место за широким столом, напоминавшим директорский. Стол сверкал роскошной отделкой, плохо сочетаясь с убожеством остальной мебели. Слово лишнее напоминание, кто тут д'Артаньян, а кто гвардейцы кардинала. Каменский явно лично выбирал стол и отдавал распоряжение поставить его здесь. У начальства свои стрессы и свои комплексы.

– Всех приветствую, – сказал Мирослав. – Познакомьтесь. Это Крот. Чтобы было ясно – это не кличка, а фамилия.

Судя по виду Крота, он носил фамилию с гордостью. Быть может, он имел хорошую генеалогию. Виктор был готов поспорить на последнюю копейку, что Крот происходил из военной династии – вероятно, мало кому известной.

– Это ваш командующий на ближайшую операцию, – уведомил Каменский. – Приступайте.

– Прошу прощения, у меня вопрос, – подал голос один из сталкеров. – Командир, ты в каком звании будешь?

Крот продолжал стоять неподвижно.

– Это не имеет отношения к делу, – ответил он и противно улыбнулся.

Ну конечно, подумал Виктор. Будь перед Кротом новобранцы, он бы дал ответ. Без ухмылок и совсем другим голосом. Командир сразу не понравился детективу. И, видимо, не ему одному.

– Значит, просто Крот, – понял сталкер. – Пусть. Нам такое привычно.

– Ребята, тут все свои, – сказал Крот бодро. – Давайте по-своему, по-сталкерски, хорошо? Нам предстоит ходка на объект. Я главный, вы подчиненные, и вам незачем знать, в каком я звании. Со сталкерами я дело имел, и весьма успешно.

Виктор посмотрел в окно, чтобы скрыть скептическое выражение. Ну да, ну да, конечно. Имел ты дело со сталкерами. Интересно, в каком качестве? Патрулировал Зону, щипал новичков, охранял никому не нужную муть вроде развалившегося железнодорожного моста взамен подстреленного предшественника? Фуражка, пистолет на боку, руки за спиной. Та же презрительная улыбка с ощущением собственного превосходства. И заученные фразы о том, кому и сколько надо башлять за проход.

Виктор мысленно примерил этот образ на Крота. Вписывался идеально.

– Суть нашей задачи следующая, – сказал Крот. На белом экране у него за спиной неожиданно появилось изображение. Видимо, пока они беседовали, из будки напротив кто-то подал сигнал через проектор. Такая отлаженность действий показалась Виктору жалкой, словно Крот хотел произвести впечатление детскими способами. Детектив заставил себя смотреть на картинку и слушать инструктаж.

– Это частные владения в Подмоскowie, – сказал Крот. Виктор изучал ничего не выражающие планы здания, которые сменяли друг друга. – Дом предположительно хорошо охраняется. Среди его средств защиты есть одна интересная штука, о которой я сейчас расскажу.

На экране появилось изображение непонятного предмета. Так мог выглядеть воздушный шар, внутри которого топтался бегемот. Картинка двигалась, но чересчур скованно, циклически. Виктор понял, что ему показывают паршивую анимацию из внутреннего справочника по

артефактам, распространявшемуся в ЦАЯ. В свое время он изучил этот справочник вдоль и поперек, но такую штуку видел впервые.

– Это артефакт под кодовым названием «Альфа», – сказал Крот, и Виктор едва не хлопнул себя рукой по лицу. Фантазия у Крота работала превосходно. Может, он даже слышал о фонетическом словаре НАТО. Вероятно, было сложно дать артефакту отдельное название.

Сталкеры же смотрели на артефакт с недоумением, и было ясно почему. Для них любая непонятная вещь должна быть персонифицирована и четко обозначена. Никаких кодовых названий артефактам придумывать нельзя. Надо создавать имена собственные.

– На объекте спрятан большой запас таких штук, – продолжал Крот. – Наша задача – попасть на объект и обезвредить их.

– Обезвредить? – спросил Борланд.

– Я неясно выразился? Для этих целей мы используем наше стандартное средство противодействия. Наш «расщепитель».

На экране показался громоздкий прибор, что-то среднее между самогонным аппаратом и дизель-генератором. Виктор такой уже видел и даже работал с ним на тестах. Это устройство заставляло артефакт терять свойства, давая сбои лишь в шести процентах случаев. Как оно могло функционировать – детектив не представлял. Сам факт существования такой технологии давал понять, что у артефактов есть что-то безусловно общее, наподобие переключателя или энергетического слоя, который можно было перекрыть. Виктор считал «расщепитель» самой главной разработкой Центра и особенно ценил за то, что его назначение было, как ни крути, мирного характера. Вероятно, это была единственная безвредная вещь, созданная в этих стенах.

– А что этот артефакт делает? – спросил один из сталкеров.

– Он делает плохо, – ответил Крот. – Это все, что я могу сказать на данную тему.

– Но «расщеплялка» с ней справится?

– Тестирований не проводилось. У нас нет оснований полагать, что не справится.

Детектив прикрыл глаза. Конечно, у тебя нет оснований. Ведь всем известно, что любая безумная идея обязательно должна сработать, если в твоей военчасти не доказано обратное. То ли шесть процентов сбоев для Крота являлись исчезающе малой погрешностью, то ли он сам не знал об этой статистике.

Виктор взглянул на Каменского. Большой Брат хранил молчание, разглядывая сквозь очки поверхность стола, словно думая, не стоит ли его заменить на более дорогую модель.

– Теперь о том, в чем у нас есть сложность, – сказал Крот. – Я прошу слушать внимательно.

Оператор в задней будке переключил картинку. Виктор услышал специфический удар по клавише «пробел». Проектор высветил на экране изображение дверей, выглядящих весьма солидно.

– В особняке два входа, – сказал Крот. – Перед нами парадный. Именно он нам и нужен. Замок, который вы видите, представляет собой считыватель для нот. Чтобы его открыть, надо набрать на панели нотную последовательность.

Приглядевшись, Виктор заметил, что слева от замка действительно находилась панель.

– Ноты? – недоуменно проговорил Фармер. – Какие еще ноты?

– Предположительно, это конкретная мелодия. Относитесь к этому как к обычному замку с цифровым кодом. Разницы никакой.

Виктор промолчал о том, что разница все же есть. Цифры – нечто простое и понятное всем. Один человек может создать код из последовательности чисел, другой этот шифр узнает и передаст третьему, который и вскроет замок. Но ноты – дело другое. Здесь уже требуется умение внятно их интерпретировать. Для незнающего человека это хуже китайской грамоты, поскольку появляются проблемы уже на уровне восприятия синтаксиса. Если взломщик не

знаком с нотами и множеством способов их обозначить, то он попросту не сумеет ни понять код, ни набрать. Разве что ему принесут подробные инструкции, что и куда нажимать. Хотя и здесь детектив чувствовал подвох.

– Мы достоверно знаем, что шифр спрятан в доме, – сказал Крот. – Поэтому вы разделитесь на две группы.

– Группа «Мона» и группа «Лиза», – неожиданно проговорил Каменский.

В наступившем молчании было слышно, как сзади в будке шумит охлаждение на ноутбуке оператора.

– «Мона» и «Лиза», – сказал Крот. По интонации чувствовалось, что он не видел никакой связи между этими словами. – Группа «Мона» проникнет в дом через вход на чердаке. Группа «Лиза» будет ждать внизу с «расщепителем». Как только «Мона» найдет шифросигнал, она передаст его «Лизе»...

– Командир, извини, что прерываю, – сказал бородатый сталкер. – Но эта ходка пахнет как собачий зад. Такой параша я не слышал с тех пор, как из Зоны вернулся. Какая еще, к хренам, музыка? Кто такой замок делать станет?

– Напротив, это очень хороший ход, – заявил Виктор, и все посмотрели на него, словно не ожидали никакой инициативы. – Музыкальный шифр – отличная вещь для понимающих. Но только для понимающих. Ты можешь быть сколь угодно хорош в драке и умен, как создатель водки, но если не владеешь музыкой, то этот шифр тебе окажется недоступен. Ты вот смог бы открыть сейф, на котором нет ничего, кроме клавиш пианино?

– Смог бы, – с уверенностью сказал бородач. – Если кто-то даст мне бумажку, где написано, куда нажимать.

– А длительность? Паузы, перевод из буквенных обозначений в академические? Или если тебе дадут не бумажку, а запись на кассете? Система сумеет считать и распознать код, но сможешь ли ты его набрать?

Бородач задумался.

Виктор встретился взглядом с Мирославом и изумленно заметил, что тот смотрит на него с довольной улыбкой. В своих рассуждениях сыщик попал в точку. Тут же он понял, что в проблеме считывания мелодии у Каменского тоже был козырь в рукаве.

– Все претензии позже изложите хозяину особняка, – сказал Крот. – Если, конечно, вы его когда-нибудь встретите. А пока что ситуация следующая. В каждой из групп будет еще один человек – специалист по музыке. Все музыкальные заморочки будут их проблемами, а не вашими. Тот, что будет в «Моне», найдет шифр и передаст другому музыканту, из «Лизы». Передавать придется не по радио – скорее всего, внутри дома не будет работать радиосвязь.

– Почему не будет? – спросил Фармер.

– Скажем, у нас есть основания так полагать.

Виктору показалось, что от всей этой дурной конспирации Крот испытывал извращенное удовольствие. Может, потому конспирация так популярна в народе?

– Тогда как он передаст мелодию изнутри?

– С помощью нашей новой разработки.

На экране появилась фотография продолговатого цилиндрического предмета с кучей переключателей. Он напоминал детскую головоломку, в которой нужно провести шарик с одного края на другой, предварительно расставив хитроумные выемки. На одном из концов имелась резьба.

– То, что вы видите на экране, навинчивается на ствол автомата, – сказал Крот. – В момент выстрела пуля проходит через устройство и производит очень громкий звук определенной частоты. Частота будет соответствовать той ноте, которая выставлена на первом кольце устройства. После этого данное кольцо становится неактивным, и при следующем выстреле

будет задействовано следующее. Таким образом, настроив аппарат, можно передать мелодию просто через последовательность выстрелов. Наши ребята называют его «сустейн».

Описание предмета сильно заинтересовало Виктора. Чуть наклонившись поближе, он попробовал представить, как такая штука может работать на практике. Все казалось просто и гениально. Покрутил кольца, как на объективе фотокамеры, навинтил на ствол, дал очередь. И автомат пропоет песенку. Будет слышно сквозь бетонную стенку.

– Слушайте, а почему бы просто не влезть всем группам через окно на чердаке? – спросил Фармер. – Зачем половине команды сидеть снаружи и ждать, пока им откроют?

Крот посмотрел на него с надменным выражением.

– Конечно, ты первый, кто об этом подумал, – проговорил он. – Кто-нибудь ответит на этот вопрос?

– «Расщепитель» слишком большой по размеру, – сказал Виктор. – Он не пролезет в окно, даже если мы его туда затащим. Его нужно протаскивать через главные ворота.

– Разумеется, иначе все было бы гораздо проще, – добавил Крот.

– Понял, – кивнул Фармер. – Спасибо за разъяснение. Надеюсь, ваши музыканты будут хороши.

Виктор только слегка улыбнулся в ответ. Он вовсе не знал, что аппарат не пролезет в окно. Он просто догадался, в чем может быть причина, и все решили, будто он знал ответ. Ему удалось зарекомендовать себя как человека, который уже работал с «расщепителем» в полевых условиях.

– Что до музыкантов, то сегодня вы с ними познакомитесь. Оба – сотрудники Центра. Люди, знающие свое дело. Осталось решить, кто будет в какой группе. Мы поступим проще. Первый ряд по партам будет в «Моне», второй в «Лизе».

Виктор не поверил своим ушам. Вот так просто – ты в первой группе, ты во второй? В случайном порядке, и к черту психологическую совместимость, уровень профессионализма, собранность команды? Но сталкеры, похоже, ничего не имели против.

Сыщик покосился на соседний ряд. Похоже, что Борланд и Фармер окажутся в «Моне». Сам он попал в «Лизу». С легким чувством стыда детектив понял, что радуется такому решению. Очень ему не нравился этот дом и перспектива лезть в какое-то окно. С другой стороны, из своей команды он практически никого не знал. Виктор спиной почувствовал отчуждение.

– Всем отдыхать четыре часа, – сказал Крот. – Делайте что хотите, но к шести все будьте готовы. Отбой.

Сыщик не двигался с места, пока зал у него за спиной не опустел. Он молча смотрел на Каменского, который невозмутимо читал газету. Когда они остались вдвоем, Виктор начал:

– Мирослав Сергеевич, а на каком основании...

– Делай то, что сказал командир, – проговорил Мирослав, не поднимая глаз. – Или пиши заявление об уходе.

Виктор ожидал еще каких-то слов, но их не последовало. Коротко кивнув, он поднялся и вышел в коридор, стараясь не краснеть.

Оказавшись за дверью, Виктор нос к носу столкнулся с Борландом. Сталкер смотрел на него с заливчатским безразличием, но Виктора этим обмануть было сложно.

– Каково, а? – Борланд кивнул на дверь. – У тебя тоже информационный перегруз в башке?

– Только в подсознании, – ответил детектив. – Но я туда обычно не заглядываю.

– Мое подсознание в такие моменты хочет накуриться. Хотя сам я не принимаю. Ладно. Что ты думаешь о задании?

– Я о нем толком ничего не узнал.

Борланд хлопнул по стене.

– В том-то и дело, – вздохнул он. – Нам много мусора навешали, а по сути не объяснили ничего. Музыкальные замки, артефакты, о которых никто не слышал. На боевое задание с таким стартовым пакетом не ходят.

– Я думаю, все обойдется, – сказал Виктор, стараясь скрыть фальшь. – А что Фармер думает?

– Шут его знает. Он в последнее время себе на уме. Самоуверенным стал.

– А ты не таким был в его годы?

– Да я вроде и сейчас скромностью не болею. Хотя в его годы я сидел дома и пиялился в ящик.

– Не верю, – сказал Виктор.

– Правильно делаешь. Но помечтать-то я могу?

Они помолчали. Виктор не нашел, что еще сказать.

– Ладно, я пошел, – вымолвил Борланд. – До вечера надо отоспаться. Пока сгоняю к оружейнику, есть у меня одна идея на уме, как юбилейчик отпраздновать.

– Увидимся перед заданием, – сказал детектив.

– Ага.

Когда Борланд ушел, Виктор направился на этаж, где находилось корпоративное кафе. Взял двойной кофе, сел в дальний угол, чтобы видеть всех вокруг.

Закурив, детектив схватился руками за голову. Дурное предчувствие не оставляло его. Слишком много переменных в предстоящей работе. Вроде бы есть конкретика, а вместе с тем и нет. Борланд был прав – им толком ничего не рассказали. Между тем в любом задании просто необходимо отталкиваться хоть от какой-то константы. Если ее нет, то ее необходимо устанавливать. С другой стороны, с чего он взял, что тут вообще есть над чем думать? Приехать, слушать указания командира, вернуться живым. Вроде ничего особенного, тем более что сам ввязался. Уже не в первый раз он делает что-то, имея куда меньше данных. Не сложнее, чем просунуть нитку в иголку. Но откуда у него уверенность, что эта нитка станет началом запутанного клубка? Почему же ему именно в этот день так важно изначально выяснить все детали?

– Здравствуй, Виктор, – услышал он тихий женский голос. – Можно присесть?

– Ольга, – проговорил Виктор, не поднимая головы. – Во всем Центре не так много женщин обращаются ко мне по имени.

– Не всем же называть тебя Совун, – улыбнулась девушка, садясь рядом с ним.

В ее устах кличка звучала как укор. Было в этом что-то неприятное. Светлый образ Ольги и его давнишний оперативный псевдоним слишком плохо сочетались друг с другом.

– Не называй меня так, – попросил сыщик. – Для тебя я просто Виктор. Сегодня вечером мало кто вспомнит мое имя.

– Главное, что его завтра не забудут.

Отхлебнув кофе, Виктор помешал его ложкой. Хороший способ потянуть время. Вроде размешал кофеинки сам, а теперь надо ждать, пока они осядут. Повторять, пока не пропадет желание сидеть на месте. Или пока кофе не превратится в лед. А покидать место детектив пока не желал. Заботливые интонации Ольги опьяняли его и вместе с тем заставляли держать дистанцию, как и всегда. Он не был уверен, что нравится девушке. Возможно, он бы даже предпочел, чтобы она заботилась обо всех сотрудниках ОРАКУЛа, как о нем. Как единственный объект ее интереса Виктор ощущал себя чем-то обязанным. Да и можно ли было назвать Ольгу девушкой в плане прожитых ею лет – он тоже не знал. Ее возраст определить на глаз было невозможно. Такой могло быть и двадцать, и тридцать семь. Ближе ко второй границе, чем к первой, поскольку в юном возрасте ее бы не взяли работать в Центр. Хотя о сути ее работы Виктор тоже ничего не знал, пусть даже никаких секретов здесь не было. Виктор часто порывался выяснить что-то про Ольгу, просто так, безо всякой конкретной причины. Он этого не сделал лишь потому, что, начни он копать под нее, и это бы значило, что причины интереса

все же есть. К тому же просыпалась совесть, обычно спящая, когда речь заходила о слежке. Виктор все еще не знал, чем конкретно Ольга Короткова должна заниматься в ЦАЯ, замужем ли она и есть ли у нее дети. Не знал ни скелетов в шкафу, ни официальной легенды – если таковая существовала. Ольга была просто коллегой, выполнявшей самый разный набор обязанностей: от патологоанатома до биолога или порой следователя. Она воплощала в себе тот самый элемент неизвестности, который, с точки зрения Виктора, делал человека интересным. Он просто работал изо дня в день, зная, что где-то в этом здании есть эта женщина, занимающаяся своими делами, которая, возможно, иногда его вспоминает. Однако сегодня, здесь и сейчас, Ольга могла оказаться спасением от одиночества.

– Послушай, – хрипло произнес Виктор. – Ты знаешь о сегодняшнем задании?

– Да, – ответила девушка. – Я готовлю «расщепитель». Слежу, чтобы он не вышел из строя в нужный момент.

– Да, это было бы здорово, – сказал Виктор, не заметив, что фраза вышла противоположной по смыслу. – Сегодня мне придется с ним работать.

– Тогда я все еще раз перепроверю, – опять улыбнулась Ольга.

– Хорошо. Слушай, я хотел спросить. В случае потерь с нашей стороны... я имею в виду, в случае, если кто-нибудь умирает, ты всегда выезжаешь на место?

– Всегда. Если агент гибнет на операции – моя задача сделать все, что следует.

Виктор не стал уточнять, что она имела в виду. Значит ли это, что Ольга создает погибшему нужный уровень легенды, чтобы родственники получили пособие? Или же всего лишь ползает на коленях, вытирая пятна крови? Виктор живо вообразил себе картинку: вот он умирает на задании, сраженный вражеской пулей, и Ольга застегивает молнию над его застывшим лицом. И эта женщина, с которой он сейчас пьет кофе, будет делать ему вскрытие, увидев полностью снаружи и изнутри. Затем она сядет писать отчет, чтобы на будущий день успокаивать в кафе очередного смертника.

– Я просто хотел узнать, – проговорил детектив и откашлялся. – Я просто...

– Не торопись. Ты сегодня выедешь на задание?

– Да.

– Я буду там, – твердо сказала Ольга. Звучало так, словно она приедет только ради него. Ее ясные, пронизательные и очень умные глаза следили за детективом. Виктор порадовался, что не видит в них отражения собственного взгляда.

– Будь осторожна, – сказал он, встал и пошел к себе в кабинет.

Ответа не последовало, что заставило детектива с отвращением к себе перевести дух. Он бы не выдержал какой-нибудь банальности в ответ.

* * *

Следующие несколько часов Виктор просидел в кабинете, закрывшись на ключ. Он старался ни о чем не думать и ничего не чувствовать, но удержаться от того и другого сразу было слишком непосильной задачей.

ЦАЯ оказался слишком специфичным местом, напоминавшим государственную контору, где не было ни единого незаменимого человека. Раньше Виктор считал, что работа здесь – призвание для каждого, кто попадает в эти стены. Оказалось, что нет. Недаром в Центре имелся даже исправно работающий отдел кадров, хотя Виктор не мог представить себе механику их текучки. Никого ведь нынче не уговонишь бумажкой по поводу неразглашения государственной тайны. Пришел человек и ушел, унося с собой информацию о существовании Зоны. И всем наплевать, словно в этом и состоял план популяризации всякой аномальной чертовщины в народе.

Сперва тебя при вербовке окучивают красивыми словами о том, как ты нужен стране. Учитывая, что Виктор так и оставался украинцем, – стране чужой, ибо сейчас он находится в Москве. Затем делают упор на то, как много ты можешь на этом деле поднять. А на практике видишь, как вся система отлично справляется без тебя, каждый день напоминая, что ты не нужен. Возможно, для сталкеров это было делом привычным. Виктор же ощущал острую нехватку свободы – несмотря на то, что как раз свободы он имел больше, чем все остальные. Свой кабинет, свой автомобиль, своя квартира поблизости. Пусть даже настоящего своего здесь ничего не было, все служебное. Его даже и на задание никто не звал. Можно попробовать отказаться, даже рискуя увольнением, – слова Каменского его напугать не могли. Не так уж и сильно он дорожил своим рабочим местом. Однако он уже сказал Ольге, что пойдет. Отступить было поздно.

Находясь в здании ЦАЯ, Виктор чувствовал, что находится в животе железного монстра, который неторопливо шагает по Москве, лениво жуя все, что попадается, чавкая и оставляя после себя гигантский склизкий след. По сути, тот же аналог Зоны – огромный паук, плетущий собственную социальную сеть. Мутировавший гибрид диктатуры и корпоратии. Покидая Зону, ты возвращаешься в нормальный мир. Но проходя через ЦАЯ, ты чувствуешь, что Зона повсюду и отдельные ее элементы будут с тобой всегда.

До поступления на работу Виктор представлял Центр Аномальных Явлений как четко отлаженный механизм с конкретными целями и огромной продуктивностью. В действительности же методы работы Центра больше напоминали отечественную игровую журналистику. Натаскать непонятных материалов из постороннего источника, обработать и выдать за свое. Точно так же ЦАЯ изучал технологии Зоны, механики которой не мог понять, переводил на промышленный язык, создавал фиктивные базы для альтернативных ветвей науки, но на выходе получался большой пшик. Этому месту остро не хватало цели. Если бы цель появилась, Виктор бы лучше понимал необходимость заданий, подобных сегодняшнему, где нужно куда-то проникнуть, в кого-то пострелять и что-то там нейтрализовать. Все звучало слишком несерьезно, и все же сегодня он мог погибнуть.

От мыслей Виктора оторвал телефонный звонок.

– Готов? – спросил Борланд спокойно и уверенно.

– Готов, – буркнул Виктор.

– Не забудь, ты в группе «Лиза». Собирайся. Мы выезжаем чуть раньше, чем вы.

– Уже? – Виктор поднялся на ноги. – Еще целый час.

– Это у вас час. Мы выдвигаемся под руководством Крота. Вас поведет Эмиль. Удачи.

Занервничав, Виктор бросился переодеваться. Через пять минут он уже был в маскировочном комбинезоне, купленном в армейском магазине, порадовавшись, что хранит свое шмотье не в шкафчике общей раздевалки, а у себя в кабинете. Собственной униформы у ОРАКУЛа не было, а обычных военных тряпок так и не завезли. Чувствуя себя опаздывающим везде и всегда, Виктор покинул кабинет, запер его и пулей бросился по лестнице на нижний этаж.

* * *

Фургон мчался по дороге. Виктор сидел, оглядывая выданное ему оружие. Как сказал Эмиль – молодой парень с восточными чертами лица, – автомат, называемый сталкерами «снеговик», стрелял ледяными пулями. Ну или почти. О подобной технологии Виктор слышал, но не мог представить, в чем смысл пользоваться такими штуками, когда у всех есть простые, эффективные «калашниковы» и им подобные аналоги. С другой стороны, безгильзовый «снеговик» выглядел компактно и в чем-то симпатично, весил немного и плечо не оттягивал. Тем более что его давали как вспомогательное оружие. Неизвестно, как обстояли дела у «Моны», но в этом фургоне ни один человек не рискнул ограничиться «снеговиком». Запасных магази-

нов к этому оружию не полагалось. Как объяснил Эмиль, во встроенном магазине было тридцать патронов, хотя технически это количество могло быть увеличено. Виктор с трудом представлял себе внешний вид боезапаса, которому после выстрела следовало становиться быстро плавящимся комком льда. Не иначе как присутствовало смешивание химических элементов куда более сложных, чем кислород и водород.

Детектив предпочел бы вообще не пользоваться оружием. Хотя, может, и не придется – если группа «Мона» сделает всю работу сама.

Рядом с Эмилем восседал неизвестный Виктору бодрый толстяк. На нем тоже был сталкерский комбинезон, основательно потрепанный. Очевидно, это был музыкант «Лизы». От него зависело, откроют ли они замок, если им действительно передадут шифр. Толстяк все время что-то напевал, подбадривая группу. Пел он весьма недурно. Виктор безошибочно опознал в нем блюзмена – возможно, не профессионального, но чертовски талантливый.

– Группа, всем готовиться, – сказал Эмиль. – Мы на месте.

Виктор почувствовал панику. На месте, так быстро? Он даже не успел морально настроиться.

Фургон остановился. Двери открылись, и бойцы выскочили наружу. Виктор помог выгрузить «расщепитель», который места занимал не меньше, чем пианино, и весил столько же. Сходства добавляли подвижные колеса, словно у тележки из супермаркета.

От холодного воздуха Виктор поежился. Он чувствовал, что еще немного – и его охватит самый настоящий приступ мелкой дрожи. Дом возвышался перед ним – высокий, несуразный, словно избушка на курьих ножках. От него веяло смертью.

– Похоже, группа «Мона» все зачистила, – сообщил Эмилю радист. – Связи с ними нет. Можем ожидать подкрепления врага.

– Удерживать объект, – приказал Эмиль. – Швец, Совун! Охраняйте «расщепитель»!

Виктор не стал возражать. Лезть в бой ему совсем не хотелось. Сталкеры в отличие от него чувствовали себя хорошо, словно радуясь возможности окунуться в лайт-версию Зоны. Им хотелось разогнать кровь в жилах, а детектив был скоростью своего кровообращения вполне удовлетворен.

Громыхнул выстрел, отразившийся от деревьев, окружающих особняк. Виктор упал на землю, отполз в сторону, насколько мог, стараясь слиться с землей. Тут же он понял, что маскировка мало чем могла ему помочь – уже стемнело, и при таком освещении видеть их могли лишь через ночной или тепловой прицелы.

Сталкеры с такой ситуацией как-то справились, быстро покинув линию огня и найдя себе искусственные укрытия. Виктор сумел разобраться, что стреляли с задней стороны. Вероятно, нападавших было немного или же они нарочно хотели создать такое впечатление.

– Снял одного! – послышалось в ухе.

– Молодец, – сказал детектив. – А теперь помолчи.

В общем грохоте никто его не слышал.

Земля ощутимо содрогнулась, послышался протяжный гул. Звук был такой, словно внутри дома прогремел один большой взрыв. Виктор похолодел, прижал автомат к себе. Он уже почти был готов высунуться и присоединиться к схватке, но один из сталкеров оттеснил его назад. С такого ракурса Виктор бы только всем помешал.

Когда снова раздалась выстрелы, Виктор спрятался за «расщепителем». Аппарат, который ему следовало охранять, теперь фактически оберегал его самого. Судя по всему, «Лиза» вполне овладела ситуацией. Хотя перестрелка происходила в какой-то сотне метров от детектива, это было все равно что на другом конце Земли.

– Чисто! – прозвучал голос Эмиля в наушнике. – «Щепку» к дверям, быстро!

Виктор начал изо всех сил толкать «расщепитель» вперед. Ему помогал Швец – худощавый, но крепкий парень. Блюзмен находился сбоку в кустах. Виктор подал ему знак не высываться.

Оказавшись у ворот, Виктор занял угол между «расщепителем» и дверьми. Отсюда ему была видна панель – слабо светящаяся панель фортепианной клавиатуры. Смотрелась она чуждо и нелепо, хотя и мирно, позитивно. Виктор со злостью понял, что еще одной светлой ассоциацией в его жизни стало меньше. Теперь любой клавишный инструмент будет напоминать ему о сегодняшнем дне.

Дважды посветив фонариком в сторону блюзмена, Швец подозвал его к себе. Тот бросился вперед, переваливаясь с ноги на ногу.

– Быстрее! – прокричал ему Виктор.

В следующий момент музыкант упал замертво. Детектив успел сжаться, поняв, что сейчас последует звук снайперского выстрела. Так и случилось.

Швец высунулся из-за «расщепителя», мигом поймал стрелка на мушку и нажал на спуск. Выстрел прогрохотал, оглушив детектива.

– Твою же мать! – прохрипел сыщик. – Эмиль!

Тот обернулся, увидел мертвого музыканта и затрясся от ярости.

– Как они стрелка упустили? – заорал он. – Как?! «Мона»! Уроды! Чтобы ты сдохла вся!

– Не накаркай, – зло ответил Виктор, стиснув зубы до боли. – Следи, чтобы меня не замочили. Зона все видит.

Последние сказанные им слова заставили его самого рассмеяться. Свалявший дурака Швец сидел рядом с ним, готовый открыть огонь по дальним деревьям при первом признаке опасности. Тело музыканта лежало без движения. Он умер мгновенно, еще до того, как упал. Завтра за такую операцию кто-то получит по шапке, если у нее вообще был реальный руководитель.

Битва шла где-то далеко впереди, по ту сторону особняка. Виктор понятия не имел, что происходит, – его теперь это не интересовало. Он просто сидел, прижавшись ухом к двери. Еще был шанс. Если группа «Мона» найдет код, то еще можно будет попытаться открыть эту дверь – хотя Виктору уже было все равно, что там, за нею. А если нет, то еще немного, и детектив все бросит и побежит в лес без оглядки. К черту с этой маленькой смешной планеты, раствориться в космосе и сделать вид, будто никогда не рождался. Виктор пожалел, что заряды его «снеговика» закончились и их нельзя есть. Он бы сейчас с удовольствием сожрал весь боезапас, чтобы ощутить, как в животе растекается леденящий холод.

Громкий звук раздался из-за двери, и весь мир мигом перестал существовать для Виктора. Зажав свободное ухо рукой, Виктор зажмурился и прислушался, приоткрыв рот.

Второй выстрел, третий. Угадайте мелодию с трех нот...

Ему передавали сигнал.

«Молодцы, ребята, вы нашли шифр, нашли код, – думал детектив с ликованием. – Давайте спойте мне гимн, и я помашу вам флагом!»

Один такт, второй. Паузы и длительности отсутствовали, но все же это не был набор нот. В сигнале четко прослеживался мелодичный рисунок. Не совсем интересный. Далеко не шлягер. Но все же мелодия, построенная по определенным правилам. И хорошо запоминающаяся.

– Давайте, ребята, давайте, – процедил Виктор.

В этот момент его ухо неприятно резанула одна из нот. Поначалу Виктор попытался уместить ее в нужный рисунок, но понял, что не может это сделать. Нота явно выбивалась из общей мелодики, ритма, настроения. Выяснять, почему так получилось, не было времени – Виктор просто продолжал слушать. По логике вещей, мелодия закончилась там же, где и ожидалось, – по истечении двух полных предложений.

Дотянувшись до панели, Виктор принялся набирать услышанное с самого начала. Он не пытался прокручивать ноты в голове, позволив собственному слуху делать это за него. И все же чертова нота в середине ему мешала. Набрав ее, Виктор понял, что она вроде не была откровенной фальшью. Просто звучала неуместно.

– Ну же, – орал голос Эмиля в наушнике, болтавшемся на проводе, свисающем с воротника. – Совун, ты там скоро?

Виктор оторвал наушник вместе с куском провода. Пошли все к черту, я занят...

Набрав мелодию до конца, Виктор нажал на квадратную кнопку без надписей. Маленький монодинамик пропищал мелодию целиком.

Двери не шелохнулись.

Несколько секунд Виктор тупо смотрел на двери, пытаясь понять, что было ошибкой – то ли переданный ему код, или же то, что он набирал, или вся операция в целом. Хотя что-то в этой драной схеме должно было работать хорошо.

Ах да, конечно. Неверная нота.

Виктор быстро набрал мелодию заново, заменив ноту. Если поменять частоту всего на полтона, то результат будет совсем другим...

На этот раз результат действительно отличался. Двери раздвинулись, и от неожиданности Виктор, прислонившийся к ним, повалился наземь.

– Ты открыл! – крикнул Швец, оттаскивая Виктора назад и целясь из «снеговика» в проем. – Ребята, Совун открыл дверь!

Виктор ощутил настоящий триумф. Он со злобой рассмеялся, глядя в ночное небо. Ему в самом деле передавали код с ошибкой. И он оказался достаточно сообразителен, чтобы это понять и вычислить верный вариант. Даже блюзмен не мог бы...

– Ты хрена валяешься, пидрила?! – проревел Эмиль, пнув Виктора ногой в бок. – Встал и пошел! И наушник надень!

Если бы Виктор стоял на ногах, то от такого обращения точно пнул бы Эмиля в ответ. С другой стороны, тогда бы командир группы вел себя мягче. Чертыхнувшись, детектив pokrutyл оборванный провод. Теперь ему уже казалось, что не было нужды столь ярко демонстрировать эмоции.

Он принялся толкать «расщепитель» вперед. На этот раз ему никто не помогал. То ли решили, что он сдюжит сам, то ли про него просто забыли. Команда оказалась внутри дома, света фонарями во все стороны.

«Расщепитель» покатился вперед, и Виктор запоздало поставил колеса на тормоз.

– Когда включать? – крикнул он.

Ему никто не ответил. Осторожно выглянув из-за аппарата, детектив понял, что его группа пребывала в очень мрачном расположении духа.

Через мгновение Виктора чуть не вывернуло на колеса «щепки».

Он оказался в просторном подземном хранилище, оборудованном множеством служебных устройств. Тут были и радиаторы, и холодильники, и ровные ряды параллельных проводов под потолком. Вдоль стен стояли пустые стеллажи с однотипными капсулами для артефактов. Виктор никогда не видел столько ячеек сразу. Вероятно, это место могло бы быть идеальным винным погребом, но вместо этого им распорядились иначе.

На полу хранилища лежали тела. Очень много тел. Трупы были свежими. Где-то вдали раздавалось размеренное постукивание – капли крови стекали в сток для воды. Лица покойных были сильно искажены, но их все равно можно было опознать.

– Обыскать все, – приказал Эмиль дрогнувшим голосом. – Проверьте, есть ли кто живой.

– Это наши, – сказал кто-то. – Почти все – наши.

– Да, – подтвердил Эмиль. – Группа «Мона».

Он начал что-то тихо говорить радисту – вероятно, Эмиль уже знал, о чем и как докладывать. Быстро он разбирался в ситуации.

Виктор тупо смотрел по сторонам, не зная, что ему делать с «расщепителем».

– Брось ты его, – посоветовал Швец. – Не видишь? Артефактов здесь нет!

Виктор опустил аппарат. Лишившись точки опоры, он едва не свалился на пол. Но последние слова сталкера его слегка отрезвили.

Артефактов нет. Вся группа мертва. Все было напрасно.

– Нашли одного живого, – послышался голос. – У дальнего входа!

Виктор бросился туда, оттолкнув двоих сталкеров и едва не споткнувшись о мертвое тело. Его мозг отчаянно требовал пищи для ума, все что угодно для умственной разрядки. Он просто обязан был хоть кого-то найти, кого-то живого, допросить, пообщаться, что-то понять. Иначе сегодняшний день обрстет таким коконом сплетен и домыслов, что детективу не будет покоя до конца жизни.

– Кто? – спросил он, протискиваясь в дальний отсек.

– Вот, – ответил сталкер, отходя чуть назад.

У противоположной стены сидел Борланд. Его руки были полностью расслаблены, «снеговик» выпал из рук. Губы слегка шевелились. Он то и дело двигал головой. На его щеке проявились несколько свежих царапин, полученных, похоже, от периодического трения о стену.

– Он себя расцарапал? – спросил Эмиль, подходя ближе.

– Нет, – ответил Виктор. – Посмотри, как он себя ведет. Он не чувствует боли. И вообще ничего не чувствует, даже нас не воспринимает.

– Почему?

– Хотел бы я знать.

Виктор посветил фонарем более тщательно. Отсек выглядел так, словно тут разорвалась бомба. Стены были черные, местами треснувшие. Одна из плит над головой проломилась и угрожающе нависла, рассыпая мелкое строительное крошево.

Было неясно, как кто-либо мог выжить при таком взрыве.

Повсюду валялся металлический хлам. Виктор не сразу понял, что видит перед собой обломки автоматов.

– Здесь повзрывалась вся амуниция, – пробормотал он. – Невозможно.

– Возможно, – возразил Эмиль, опускаясь перед предметом, которого Виктор не заметил сразу. Командир изучал сморщившийся кусок непонятного материала.

– Это разряженный «миротворец», – сказал он. – Артефакт, довольно редкий. Сам по себе не опасен, но после особой обработки начинает взрывать все, что взрывается от удара.

– Защита от вторжения? – спросил Виктор.

– Да. Пускает особое излучение, которое... Совун, на базе сам почитай. А пока отойди и не мешай.

– Командир, – проговорил один из бойцов, заглядывая к ним. – Посмотрите. Валялся на полу.

Он протягивал Эмилю звуковой прибор, который Крот называл «сустейном».

– Какого хрена ты его трогал? – взорвался Виктор.

Эмиль посмотрел на него в изумлении.

– Ты чего буянишь? – спросил он.

– Это место преступления! – громко сказал Виктор, так, чтобы все слышали. – Ничего руками не трогать! Не перемещать тела, не касаться устройств и приборов!

– Погоди, голубчик, – сказал Эмиль, глядя с жалостью. – Это военная операция.

У Виктора лопнуло терпение. Он подошел к Эмилю и сильно стукнул его в грудь. От неожиданности тот не успел собраться, отшатнулся назад и чуть не потерял равновесие.

– Твоя военщина сегодня стоила жизни половине команды, – сказал Виктор жестко. – Ты показал, как умеешь стрелять. А я покажу, как умею расследовать преступления. Я единственный здесь, кто в этом хоть что-то понимает. Если кто не согласен – пишите рапорт Каменскому. Но сейчас я запрещаю всем тут шастать. Идите наверх и устраивайте оцепление. Быстро!

Детектив чувствовал, что ему не хватает убедительности. Но все же команда послушалась. Сталкеры угрюмо покинули помещение по одному.

Эмиль молча отдал Виктору радио и вышел вслед за остальными.

Виктор почувствовал легкий стыд. Всего на секунду.

– Расследовать преступления, – повторил он собственные слова с ужасом. – О господи...

Все равно нужно было брать контроль в свои руки, хотя бы до приезда более компетентных людей из Центра. Которые точно так же все тут затопчут, переместят, и дело рухнет в бездонную пучину архивов.

Глянув на Борланда, детектив ощутил, что ему стало плохо. Алексей Вавилов, сидящий перед сыщиком, мог дать ответы на все вопросы. Но он уже не имел никакой связи с миром. Возможно, он уже был мертв, просто тело об этом не знало, продолжая отдавать команды. Виктору стало страшно, он вышел обратно, в более просторное помещение.

Здесь мертвые хотя бы не двигались. Виктор светил фонарем от одного покойника к другому, стараясь ни на что не наступать. Один раз он случайно наступил на руку убитого и тут же отскочил, машинально извинившись.

И внезапно одна простая мысль заставила его замереть на месте.

– «Сустейн» нашли здесь, – сказал он сам себе, светя по сторонам. – В этой комнате. Не в задней...

Виктор еще раз огляделся, словно мог найти человека живого и в здравом уме. Достаточно живого и в достаточно здравом, чтобы набрать на «сустейне» ключ к замку.

– Кто же передавал сигнал? – прошептал детектив.

* * *

Алена, я поделюсь с тобой открытием, которое сделал совсем недавно.

Существует момент, куда более праздничный, чем день рождения. Это «сегодня».

Потому что твоя днюха всего лишь служит свидетельством, что ты когда-то родился, в то время как «сегодня» – это день, в котором ты живешь. Миллиарды лет до этого дня и после ты не существуешь. Но сегодня ты есть. Это ли не праздник?

Цени сегодняшний день. Для меня его уже не существует. Зато ты можешь.

Люби сегодня, прощай сегодня, твори сегодня.

Глава 3

Расследование

Дочитав отчет, Мирослав Сергеевич Каменский с гневом бросил бумаги на стол, рассыпав аккуратную пачку из текстовых распечаток и фотографий на множество листков. Несколько из них спикировали на пол.

– Прошу прощения, – прогундосил шеф. – Это что за чертовщина?

– Как видите, мой отчет, – ответил Виктор, сидя спокойно.

– Это не отчет. Это крайнее, недопустимо эмоциональное изложение о ходе операции.

– То, что вы называете «операцией», заслуживает и более крепких эмоций, – возразил Виктор. – А может, даже действий. Мне и без того пришлось задействовать весь свой творческий потенциал, чтобы найти смысл во всем, что произошло в особняке. Позвольте мне задать вопрос. Где вы откопали этого Крота?

– Спокойно, Витя, спокойно, – предупредил Мирослав. Но детектива было не остановить.

– Мирослав Сергеевич, меня чуть не убили, – процедил он. – Я требую объяснений. Все это дело, от начала и до конца, напоминало не то что цирк, а, скорее, забастовку клоунов. Не буду льстить, но есть факт, что вы человек весьма сообразительный, да и зла своей конторе вроде бы не желаете. Тем не менее простая операция по проникновению и обезвреживанию, в которых я уже участвовал несколько раз, сегодня превратилась в бойню. Шестнадцать мертвых с нашей стороны, не считая музыканта из моей группы. Двадцать два – со стороны врага. Итого вчера умерли почти сорок человек. И все потому, что кто-то решил действовать не профессионально, не слаженно, идиотским способом разделил отряд на две части, смешал винегрет из «расщепителей», «снеговиков», клавишных панелей и бомб нервно-паралитического действия. Вопросов слишком много, ответов никаких. Так не пойдет. Как, вашу мать, вы вообще предлагаете это писать в отчете? Если, шеф, вы называете это все чертовщиной, то могу вас поздравить: вы потрясающе проницательны. Повторюсь: мне нужны ответы. И мне кажется, что вы знаете, кто эти ответы может дать.

Шеф хранил молчание. Даже сейчас, под таким шквалом обвинений, ему удавалось сохранять невозмутимый вид.

– И каково ваше собственное мнение? – поинтересовался он.

После такой откровенной провокации Виктору уже стало наплевать на все рамки приличий. Откинувшись на спинку стула, он положил ноги на стол шефа и закурил. Жест не был театральным: Виктор чувствовал себя в такой позе вполне комфортно, а комфорт ему сейчас был очень нужен.

– Что я думаю? – спросил Виктор, выпуская дым. – Я думаю, что у вас заготовлено несколько вариантов по поводу того, как залегендировать всю эту ахинею. Вы просто предлагаете мне озвучить версию, к которой я в данный момент психологически предрасположен. После чего скажете, что я попал в точку, похвалите, какой я умный мальчик, и, может быть, даже выпишете премию и несколько дней отпуска, которые я бы, по вашему мнению, провел в пьяном угаре. А сами тем временем засекретите дело еще больше. Может, проведете пару демонстративных разбирательств. Подкинете прессе материал о взрыве химической лаборатории какой-нибудь корейской фирмы, что производила эргономичные стельки в Подмоскowie. Пара человек из наших потеряют рабочие места, еще кто-нибудь, может, сядет. Кого-то мы никогда не увидим. И на этом дело кончится. А истины я так и не узнаю. Ни я, ни остальные бойцы ОРАКУЛа.

– Вот видите, у нас установилось полное взаимопонимание, – сказал Мирослав. – Считайте, что ваш отчет принят. Что касается отпуска, то тут уже на ваше усмотрение. Если хотите,

я вам его дам. И премия, кстати, будет. Будет гораздо больше, чем вы ожидаете. И уходить в запой я бы вам не советовал. Если вы хотите все-таки во всем разобраться, то я предлагаю вам не уходить в отпуск, а продолжать расследование.

– Неужели? – удивился Виктор. – У вас тоже есть вопросы? А я думал, что только у меня. И у тех, кто вчера выжил.

– Вопросы всегда есть. Например, мне очень интересно, где может находиться хозяин дома сейчас. За ответ на этот вопрос, Виктор, я бы заплатил очень много. Так же как и за возвращение пропавших артефактов либо их гарантированное обезвреживание.

Виктор убрал ноги со стола. Однако чтобы он затушил сигарету, Мирославу предстояло сказать больше.

– То есть вы утверждаете, что все, случившееся вчера, не было одной грандиозной подставой?

– Виктор, – Мирослав снял очки и посмотрел на него уставшим взглядом. – Я не идеал и не ангел. Хотя казаться пешкой в чужой игре тоже не хочу. Смерти, которые вчера случились, не должны были произойти. В этом я клянусь вам всем, что у меня есть святого.

– Занятно, если вспомнить, что для вас священной всегда была только человеческая жизнь.

– Именно. Я это говорил, говорю и буду говорить. Да, в нашей работе есть риск. Но никаких подстав с моей стороны не было. Я своих людей не подставляю. Даже будь я столь циничным, как все те люди, которых вы встречали до меня, вместе взятые, то даже в этом случае, как вы верно заметили, я не желаю вреда своей конторе. Лица ребят с посмертных фотографий будут мне сниться до конца дней, которых мне осталось немного. Но, чтобы вы знали, корить себя за случившееся я тоже не буду. Моего прокола здесь нет. Вчера вам сообщили все сведения, которые были вам нужны. Я мог вам вывалить подробнейшую предысторию хозяина дома, но это бы все равно не помогло. Я не имею ни малейшего представления о том, каким образом он нашел секрет этих артефактов. Ну не планировались они использоваться как оружие! Никто, повторяю, никто в ЦАЯ не продал бы их кому бы то ни было. Тем не менее это ошибка, которую я признаю. Мы не знали об убийственных свойствах артефакта, понимаешь?!

Голос Мирослава уже не мягко убаюкивал, а гремел. Видимо, когда-то он знал и агрессивные методы управления.

– И это – то зло, которое время от времени приходится терпеть, когда занимаешься изучением технологий и их торговлей, – добавил он. – В мире сплошь и рядом людям достается золотая птица в клетке, которую перепродают, думая, что она не умеет петь. А те ее режут и порою находят внутри золотые яйца.

Виктор его не перебивал, позволяя выговориться. Мирослав немного успокоился.

– У нас внутренний кризис, – сказал шеф. – Виктор, я прошу вас помочь с тем, чтобы он не перерос во внешний. Было бы натурально нечестно ожидать от вас чего-то после всего, что случилось. Но я вижу, что вы сами заинтересованы в ответах. Помогите мне разобраться. Помогите найти хозяина и пропавший груз. И если получится – верните Борланда в нормальное состояние.

– Рад, что вы о нем вспомнили, – сухо сказал Виктор. – Может, он что-то знает.

– Может.

– Что конкретно я буду должен делать?

– Все, что посчитаете нужным.

– А что будет в моем распоряжении?

Мирослав открыл ящик стола, вытащил большой белый конверт, протянул его Виктору.

– Откройте, посмотрите, – сказал он. – Это все ваше.

Виктор открыл конверт. Там были две пачки денег, несколько карт доступа и какие-то бумаги.

– Здесь все, что может вам помочь, – сказал Мирослав. – Мое постановление не мешать вам. Карты доступа во все отделы здания. Право резервировать любую помощь, запрет на обыск, возможность получить артефакты определенного уровня. И немного наличных, чтобы смазывать колеса.

– Половина всего этого мне не понадобится, – сказал Виктор.

– Даже не стану спрашивать, которая половина.

– Для внутренних расследований у вас есть свои люди, так ведь?

– Найдутся. Но вы все равно докладываете мне о любых промежуточных результатах, если захотите.

– Хорошо, – сказал Виктор и запнулся, читая приказ. – Ваше постановление о содействии выписано на мое имя. Вы заранее его подготовили. Вы что, еще до моего прихода знали о нашем разговоре и о том, что я соглашусь?

– Конечно, – ответил Каменский. – Но вы учтите, – он похлопал по столу, – у меня здесь много ящиков. И в каждом гипотетически может лежать отдельный конверт со своим сценарием развития событий. А вы своими действиями определяете, который из ящиков я открою. И далеко не в каждом спрятана надежда.

Виктор сгреб содержимое конверта в белый пакет и поднялся.

– У вас ведь не во всех ящиках конверты, так ведь? – спросил он. – В некоторых есть и что-нибудь потяжелее. На случай, если гость не может определиться со своими действиями.

– Всякое случается. Хотя обычно люди, которым нечего сказать, ко мне в кабинет не попадают.

– А если такие все же попадут?

– Тогда дипломатия прекращается, и мне становятся не нужны ни этот стол, ни кабинет, ни регалии. Остальное додумайте сами, Виктор.

– Я понял, – сказал детектив, чувствуя себя так, будто ему в спину упирался ствол пистолета. – Удачи. Будет что – я сообщу.

При выходе из кабинета Виктор включил телефон. На экране высветился непринятый вызов с неизвестного номера. Детектив перезвонил.

– Это я, – послышался голос Марка. – Я в Москве.

* * *

Станция метро «Курская».

Виктор стоял, прислонившись к колонне, ковыряясь зубочисткой в зубах. Это действие было единственным, которым он пытался успокаивать расшатанные нервы. Здесь он немного приходил в себя. Обстановка метро ему нравилась, темная энергетика этого места подпитывала его. Детектив наслаждался окружающим шумом, множеством лиц, мелькающими окнами метровагонов, объявлениями диспетчера. Вся эта суета, казалось, наполняла его жизнью, напоминала о том, что где-то есть мир, полный других забот.

– Приветствую, – послышался знакомый голос. Виктор спрятал зубочистку в карман.

Марк немного изменился за последние шесть месяцев. Он где-то умудрился неплохо загореть и в целом выглядел более спокойно, чем раньше.

– Как жизнь? – спросил Виктор.

– Потихоньку.

– Ты был в Москве? Или приехал после письма?

– Не в Москве, но достаточно близко, чтобы в случае чего приехать.

– Понятно, – кивнул детектив. – А ты один?

– В каком смысле?

– Да во всех смыслах.

– Нет, не один.

– Но Полины здесь нет, так ведь?

– Ты проверишь мое состояние? – спросил Марк. – Не переживай, оно в порядке. И Полина тоже. Спасибо, что спросил.

– Странно, но я не слышу в твоем голосе обычных панических нот. Вы что, расстались?

– Нет, конечно. Просто решили какое-то время побыть поодиночке. Повторяю: между нами ничего не изменилось. Вообще ничего.

– Ну, я скорее поверю, что Москву вся Зона охватит, чем вы с ней разойдетесь, – сказал сыщик. – Вас теперь никакая сила не разорвет. Чувствую, это она велела тебе посидеть в стороне. Просто для того, чтобы твоя привязанность к ней не пришла в фанатичный бред.

– Есть такое, – признался Марк. – Сначала было тяжело, но затем я научился хотя бы один день в две недели ее не видеть. Понял, что, если стану этому противиться, она начнет меня избегать, и все может рухнуть.

– Ты все равно не вздумай ее бросить. Когда тебе в последний раз не приходилось никого защищать? Ты погоди, вот появятся дети, так вообще про сон забудешь.

– Детей хотим, но не сейчас. Может, чуть позже.

После этих слов Виктор понял, что пора переменить тему.

– Ты зачем сюда приехал? – спросил он. – Все же было хорошо. Жил бы себе да жил.

– Я себе этот вопрос задавал часа два после того, как получил твое письмо, – ответил Марк. – Приехал, и это главное. Просто счел нужным. Пытаюсь привыкнуть, что, хотя с Зоной покончено, все же ее отголоски – данность, которую я избегать не должен. Понимаешь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.